

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Леди
Титаник

Наследники Остапа Бендера (Частные
детективы Лола и Леня Маркиз)

Наталья Александрова

Леди Титаник

«Автор»

2003

Александрова Н. Н.

Леди Титаник / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2003 — (Наследники Остапа Бендера (Частные детективы Лола и
Леня Маркиз))

Мошенник экстра-класса Леня Маркиз надолго запомнил тот день, когда его компаньонка Лола объявила о приезде любимой тетушки Калерии из Черноморска. Что тут началось! Тетушке, оказывается, оставил наследство неизвестный благодетель. И похоже, внушительное, коль скоро завещание выкрали, нотариуса убили, подругу, которой Калерия отдала железнодорожный билет на свое имя, зарезали. Караул, одним словом... А узнавать, кто виноват и что-то с этим делать – кому? Ну, конечно, Лоле и Маркизу... Книга также выходила под названием «Руки вверх, я ваша тетя!».

© Александрова Н. Н., 2003

© Автор, 2003

Наталья Александрова Леди Титаник

Дверной звонок залился истеричной трелью.

Леня Марков, известный в узких кругах под изысканной кличкой Маркиз, вздрогнул от неожиданности. Кот Аскольд недовольно поднял голову и прижал уши, что на его кошачьем языке обозначало крайнее возмущение. Аскольд не любил незваных гостей и не ждал от них ничего хорошего.

Леня подошел к двери и щелкнул замком, не выглядывая в глазок и не спрашивая, кто пришел – он был уверен, что его боевая подруга Лола забыла ключи и поэтому так нервно трезвонит.

Но на пороге вместо стройной и привлекательной Лолы появилась здоровенная загорелая тетка, увешанная чемоданами и пакетами, как новогодняя елка игрушками.

Увидев Леню, тетка бросилась на него с распростертыми объятиями, выронив всю свою поклажу на пол прихожей. Сумки и пакеты загрохотали, как горная лавина, и едва не погребли под собой любопытного песика породы чихуа-хуа, который не вовремя выскочил в коридор.

– Ну, здравствуй, родненький! – завопила незнакомая тетка. – Чого ж ты бледненький-то такой? Да худенький? Не кормят тут вас, как есть не кормят! Ну, ничего, я тебя откормлю, будешь на человека похож! Я ж и сальца привезла, и перчиков...

С этими словами тетка обхватила Леню и сжала его с такой силой, что у того перехватило дыхание.

– Еле до вас добралась! – продолжала незнакомка. – Ну у вас у Питере и народ! Ну уж и народ! Ничого не скажут, ничого не присоветуют, как дикие какие-то! Вот у нас в городе Черноморске люди – как люди, чого ни спроси – все обскажут, все разобъяснят и до места за руку доведут!

– Извините, – проговорил Леня, с трудом высвобождаясь из богатырских объятий, – а вы точно ко мне? Вы случайно квартиру не перепутали?

– Как же ж? – заволновалась тетка. – Разве ж? Это же шестнадцатая квартира? Или что ж?

– Шестнадцатая, – вынужден был признать Маркиз, – но только...

– Ну так я ж тогда ничого не перепутала! – Тетка вздохнула с видимым облегчением. – Родненький ты мой! – И она с новой силой обхватила ускользнувшего было Леню.

– Осторожно! – вскрикнул Маркиз, заметив внизу растерянню мечущегося песика. – Собаку не задавите!

– Гы! – тетка уставилась на чихуа-хуа и пренебрежительно хмыкнула. – Разве ж то собака? Ее ж еле видать! Вот у нас в городе Черноморске собаки – так то собаки! Таки большущици! Таки лохматы! Она как гавкнет, так с потолка ж штукатурка падает!

– Я все-таки не понимаю. – Леня сделал еще одну попытку освободиться, но гостья удерживала его, как опытный омовец, и чмокала в разные части лица пухлыми пунцовыми губами.

– Ну какие ж вы тут все мельенькие! – сюсюкала она. – Какие ж заморенные!

– Да, вот у вас в городе Черноморске... – подсказал Леня.

– А то ж! – тетка убежденно кивнула.

– Так все-таки, – Леня оставил попытки вырваться и пытался теперь расслабиться и получить удовольствие, – так все-таки вы, я извиняюсь, кто?

– Я – тетя! – сообщила могучая незнакомка, слегка отстранившись.

– Ясно, что не дядя, – вполголоса пробормотал Маркиз.

В это время со шкафа сорвался попугай Перришон, пролетел над прихожей на бреющем полете, как американский бомбардировщик над джунглями, и лихо гаркнул:

- Тетя Ася пр-риехала!
 - Гы! – восхитилась гостя. – До чего ж птичка умная! Ну это ж надо!
 - Что, неужели умнее, чем у вас в городе Черноморске? – ехидно осведомился Маркиз.
 - Только я не тетя Ася, – сообщила незнакомка, обращаясь к попугаю, – я тетя Каля!
- И тут Леня все понял.

За два дня до этого замечательного события Маркиз сидел на собственной кухне и пил кофе из большой кружки с нарисованным на ней пушистым черным котом. Кот на кружке внимательно наблюдал за ползущей по травинке божьей коровкой. Эта была самая любимая Ленина кружка, во-первых, потому что очень большая, а во-вторых, кот на ней получился почти точной копией Лениного любимого кота Аскольда. Сам оригинал сидел возле Лени на диванчике, распушив усы и посматривая вокруг изумрудными глазами.

Маркиз заедал кофе вкуснейшими рогаликами с вареньем, которые только что собственноручно разогрел в микроволновке. На улице была отвратительная погода, дождь лил как из ведра. Только в Санкт-Петербурге случается такое ужасное лето!

И Маркиз решил, что он имеет полное право слегка расслабиться и провести день дома по своему желанию. У него не было назначено на сегодня никаких важных дел, поэтому он встал поздно и все равно успел в ванную раньше, чем Лола.

– Лолка, если тебя не будить, сколько ты, интересно, проспишь? – поинтересовался Леня, заглядывая в спальню боевой подруги.

– Зачем вставать в такую ужасную погоду? – раздался Лолин голос из-под одеяла. – А впрочем, который час?

– Четверть двенадцатого, – честно ответил Леня.

– Что? – Лола выпрыгнула из кровати. – Ты нарочно, да? Я же просила разбудить меня не позже девяти! У меня куча дел!

– Ну, проспал я, – рассердился Маркиз, – а если тебе так нужно, то поставила бы будильник!

– Ты ведь прекрасно знаешь, что я не слышу будильника! – с упреком сказала Лола.

– Конечно, если с вечера положить на него две подушки...

В это время одна из подушек полетела ему в голову, и Маркиз счел за лучшее удалиться. В коридоре он чуть не вляпался в лужу, которую устроил Лолин ненаглядный Пу И – крошечный песик редкой мексиканской породы чихуа-хуа, в которого она вложила все недюжинные запасы нежности и любви, накопившиеся у бездетной женщины. Впрочем, некоторые особы женского пола собачек и кошечек любят гораздо больше, чем собственных детей.

Паршивец Пу И специально устроил лужу у дверей, чтобы не выводили на улицу в такую ужасную погоду. Леня вздохнул и все вытер, в глубине души он песику сочувствовал, потому что дождь усилился.

Лола в ванной раздраженно лила воду, швыряла расчески и флаконы с шампунями, гелями и прочими парфюмерными изысками, потом вышла на кухню и вопросительно уставилась на Леню в ожидании завтрака. Хоть она и утверждала, что ничего не может съесть по утрам, Ленины калорийные завтраки пользовались у нее неизменным успехом.

Леня Маркиз не имел ни грамма лишнего веса – он был худой, подтянутый и подвижный, но по утрам, да и в остальное время, любил плотно покушать. Он утверждал, что сытная и калорийная пища непосредственно перерабатывается в его организме в умственную энергию, которая ему крайне необходима. Ведь Маркиз был мошенником экстра-класса, а Лола – его верной и незаменимой помощницей. Вместе они провернули немало прибыльных дел и, в общем-то, прекрасно ладили друг с другом.

Итак, на завтрак Леня съедал хорошую порцию омлета с ветчиной, перцем и помидорами либо же штук пять блинчиков с мясом или с творогом, а иногда он сам жарил замечательно

аппетитные оладушки и поедал их с черничным вареньем или со сметаной. После завтрака полагались большая чашка хорошего крепкого кофе и свежие круассаны с шоколадом либо же слоеные булочки по-венски. По утрам Лолу обычно будил божественный аромат свежесваренного кофе и булочек, разогревавшихся в микроволновой печи, и жизнь спрросонья казалась вполне сносной.

Сегодня ее компаньон проспал, и Лолу встретили на кухне пустой стол и холодный чайник. Она гневно поглядела на Леню, тот в ответ только кротко развел руками – не обессудь, мол, дорогая. Отчего-то этот жест привел его боевую подругу в самую настоящую ярость. Она мигом оделась и подхватила на руки песика.

– Пуишечка, – нежно приговаривала Лола, – мы немедленно уходим из этого холодного дома, где нас не любят и не кормят... Мы пойдем по делам и по дороге зайдем в кафе...

– Куда это ты тащишь собаку в такую ужасную погоду? – встрепенулся Леня.

– Тебя это совершенно не касается, – ответила Лола холодно, – у нас с ним дела...

На самом деле дела были, разумеется, только у Лолы, но раз вбив себе что-нибудь в голову, Лола никогда от этой мысли не отказывалась. Она стала впихивать несчастного песика в непромокаемый комбинезон. Пу И молча сопротивлялся.

– Интересное дело, с собакой нужно гулять или нет? – недовольно буркнула Лола.

«Уже не нужно!» – гавкнул Пу И, а Леня ничего не ответил, поскольку знал, что это бесполезно.

– Возьми машину, – предложил он, протягивая Лоле ключи.

– Ты прекрасно знаешь, что Пу И очень капризничает в машине! – взбеленилась Лола. – Я буду все время на него отвлекаться и попаду в аварию. Ты этого хочешь?

Маркиз наконец понял, что его подруге попала вожжа под хвост, и решил не связываться. Когда за ней захлопнулась дверь и в квартире наступила наконец тишина, он прежде всего покормил кота и еще одного питомца – большого, очень красивого попугая по кличке Перришон. Если Пу И формально был собственностью Лолы, а кот признавал хозяином только Маркиза, то Перришон в один прекрасный зимний день просто влетел в открытую форточку, да так и остался жить в квартире. Леня вначале попугая недолюбливал за хулиганский характер, но постепенно привык и даже стал его уважать за несомненный интеллект и своеобразное чувство юмора.

Итак, он накормил животных и приготовил себе на завтрак большой калорийный бутерброд. Для этой цели он разрезал батон вдоль, а не поперек, уложил на него в несколько слоев ломтики колбасы, ветчины и салями, посыпал тертым сыром и запек в духовке.

Справившись с бутербродом, Леня выпил чашку кофе и немножко поговорил по телефону. Потом он перебазировался в гостиную и пощелкал пультом телевизора. Ничего интересного не показывали, тогда Леня почитал вслух коту Аскольду из немецкого писателя Гофмана. Роман назывался «Житейские воззрения Кота Мурра». Аскольд вообще очень любил, когда ему читали вслух, а про котов – в особенности. Некоторые пассажи из Гофмана он безусловно одобрил. Наконец Леня устал, и они немножко поборолись с котом на диване. Аскольд, хорошо владевший приемами греко-римской борьбы, положил хозяина на обе лопатки, и попугай Перришон присудил ему окончательную победу. Так они мило проводили время, потом Леня снова отправился на кухню и решил выпить кофе по-настоящему. Он налил себе большую чашку, добавил сахара и только откусил от теплого рогалика с вареньем, как в замке заскрежетал ключ и влетела Лола, растрепанная и с выпученными глазами.

– Леня! – вскричала она. – Ты здесь спокойно пьешь кофе? Сейчас у тебя пропадет аппетит! Ты себе просто не представляешь, что стряслось! Случилось самое страшное!

Маркиз с сожалением отодвинул чашку и вышел из-за стола.

– Дорогая! – мягко начал он. – Если бы я не видел своими глазами Пу И, которого ты, надо сказать, очень невежливо бросила на тумбочку в прихожей, я бы подумал, что бедного

песика опять похитили. Но поскольку Пу И на месте, то что могло с тобой случиться такого страшного? У тебя украли кошелек? Не беда, деньги – дело наживное, а кредитные карточки мы живо и без проблем восстановим.

– Да при чем тут деньги?! – с досадой воскликнула Лола.

– Да? Дело не в деньгах? – обрадовался Леня. – Уже лучше. В таком случае рискну предположить, что ты только что встретила в городе даму в точно таком же плаще, как у тебя. Только этот факт мог довести тебя до такого состояния.

Действительно, Лола от возмущения потеряла дар речи. Она только разевала рот, как выброшенная на берег рыба.

– Ума не приложу, как вы с ней могли разглядеть друг друга в такую погоду! – притворно сокрушался Леня. – На улице-то форменное светопреставление. Кстати, ты не промокла? А Пу И?

– Да дай же ты мне сказать! – заорала возмущенная до глубины души Лола. – Дашь ты мне слово вставить, отвратительный человек?

– Ну молчу, молчу, – Леня замахал руками, – кстати, если ты дашь слово, что не будешь драться, я помогу тебе снять мокрый плащ. И напою кофе...

Но Лола только рыкнула, как голодная тигрица, и плюхнулась на стул прямо в плаще. Леня бочком проскочил в прихожую и помог несчастному Пу И освободиться от комбинезона. Пу И не стал даже жаловаться, он тут же улепетнул в комнату к Лене. Кстати, и кот давно след простыл, из чего Леня сделал вывод, что не миновать ему нагоняя от Лолы. Кот Аскольд умел предчувствовать скандалы, как лягушки предчувствуют землетрясение.

– Вот, смотри! – Лола выхватила из кармана плаща мятую и мокрую открытку и бросила ее на стол.

Леня подобрал открытку, разгладил ее и внимательно рассмотрел. На открытке был изображен страшно довольный заяц. Заяц был омерзительного розового цвета. В одной руке он держал большую морковку, в другой – ранец с книжками. На морковку заяц смотрел очень умильно. «Поздравляем с Днем знаний!» – было написано под зайцем.

Леня перевернул открытку и прочитал вслух:

– Дорогая Олечка! Сообщаю, что буду в Ленинграде двадцать четвертого июня. Встречай на вокзале, поезд 318, вагон 9. Твоя тетя Каля.

– Веселенькая такая открыточка, – задумчиво пробормотал Леня, – а кто это – тетя Каля?

– Тетка моя, Калерия Ивановна, – злорадно сообщила Лола.

– Так, сегодня у нас какое – двадцать второе? А тетка, значит, приезжает двадцать четвертого? А откуда ты эту открытку взяла?

– Ну, понимаешь, мне нужно было съездить на свою квартиру, заплатить за нее и еще кое-что сделать. Эльза Борисовна, соседка, ты ее как-то видел... Так вот она берет почту и вообще присматривает там, ну, на всякий случай...

Еще до знакомства с Леной Лола жила в крошечной однокомнатной квартирке, и потом, когда они решили для удобства жить вместе, никак не могла расстаться с той квартирой – все руки не доходили.

– Эльза засунула открытку в какие-то рекламные проспекты, и если бы я сегодня не стала их выбрасывать, ни за что бы не обнаружила открытку! – возмущалась Лола.

– Хм... – Леня рассматривал штамп с датой, – знаешь, обычно люди сообщают о приезде телеграммой. Или по телефону звонят...

– Ты не знаешь тетю Калю, – вздохнула Лола, – станет она на телеграммы тратиться! Что же теперь делать?

– Вот что, Лола, – строго начал Леня, – когда мы с тобой заключили негласное соглашение о совместной трудовой деятельности, а также сотрудничестве и взаимопомощи, ни о каких родственниках речи не было. Я и понятия не имел, что у тебя есть тетя!

– Что значит – понятия не имел! – вскипела Лола. – По-твоему, меня в капусте нашли? Или аист принес? Или в пробирке вырастили? К твоему сведению, у меня были мама и папа, и дядя, и тетки, и бабушки с дедушками, и братья, и сестры двоюродные...

– Слушай, а вообще, дорогая, откуда ты родом? – полюбопытствовал Маркиз. – Как-то я не в курсе... Ты всегда такого туману напускала насчет своей малой родины...

– Из Черноморска, – нехотя ответила Лола, – между прочим, большой город, на море, очень красивый и своеобразный... Бульвары, каштаны, кофейни, моряки и все такое прочее... Отец уже умер, мама вышла замуж снова, мне ее муж не слишком нравится, поэтому мы мало видимся, вот. Разумеется, я посылаю им деньги...

– Ты приехала в наш город учиться? – спросил Леня. – Откуда же тогда квартира?

– Слушай, что ты все допытываешься! – рассердилась Лола. – Моя личная квартира совершенно не относится к делу! Ну, купила я ее или подарили, тебе-то что за забота?

– Значит, Черноморск, – уныло протянул Леня, – и много у тебя там родственников?

– Полгорода, – честно ответила Лола, – но ты не бойся, все они сюда не приедут. По крайней мере, в ближайшее время. На такое только тетя Каля способна. Что же делать, что делать? – Лола схватилась за голову и стала раскачиваться из стороны в сторону.

Леня Маркиз переглянулся с попугаем, который спасался на шкафу от Лолиного плохого настроения. Похоже, что Лолка не играет, она действительно расстроена.

– Дорогая, – Леня погладил свою несчастную подругу по голове, – ну что же ты так расстраиваешься? Ну, приедет твоя тетя, встретим ее, поведем немножко по городу, по магазинам... чего еще-то?

– Нет, ты не представляешь, что нас ждет! – простонала Лола. – Тетя Каля – это стихийное бедствие, это похлеще цунами или торнадо! К тому же она с детства очень меня любит, а это еще хуже.

И поскольку Леня замолчал в недоумении, Лола отняла руки от заплаканного лица, позволила снять с себя плащ и заговорила горестно:

– Во-первых, что я ей скажу? Кто я и что я? Чем занимаюсь? Актриса с погорелого театра? Даже если бы я и играла сейчас в театре, уверяю тебя: тете Кале моя игра совершенно не понравилась бы. Она считает, что все это несерьезно.

В глубине души Леня был совершенно согласен с незнакомой ему тетей Калей, он считал, что, в общем, Лола неплохая актриса, но в театре только зря тратит время и мается дурью. Но говорить об этом вслух Леня не стал бы.

– Так ведь ты и не играешь больше в театре! – напомнил он. – Чего же зря расстраиваться?

– И кто я такая?! – воскликнула Лола. – Как я отчитаюсь перед своей теткой? Скажу, что я – профессиональная мошенница, что зарабатываю деньги жульничеством?

– Ну уж, – обиделся Леня, – мы не жулики. И даже богатых лохов я редко щипаю, уж больно скучно. Если хочешь знать, мы добываем деньги тяжелым и рискованным трудом, вот.

– Стало быть, ты – трудящийся человек? – насмешливо спросила Лола.

– А как же! – Леня был совершенно искренен. – И к тому же даю заработать своим помощникам.

– Все ясно, ты гордишься своей профессией, – резюмировала Лола.

– А ты так не думаешь?

– Дорогой, что я думаю, сейчас совершенно неважно. А важно, что об этом подумает тетя Каля. А вот она-то уж точно ни в коем случае не одобрит род наших занятий!

– А ей и знать про это не нужно, – буркнул Леня, – еще не хватало, чтобы полгорода Черноморска узнали, чем я тут занимаюсь!

– Знаю, знаю, тебе не нужна скандальная известность, – закручинилась Лола, – но мне-то что делать? Ты только представь, Ленечка: все мои многочисленные черноморские родственники узнают, что я – особа без определенных занятий да еще и живу неизвестно с кем!

– Как это – неизвестно с кем? – возмутился Маркиз. – Чем это я, интересно, плох?

– Мне ты всем хорош, – тяжело вздохнула Лола, – хотя, надо сказать, у тебя, Ленечка, масса недостатков. Но вот для тети Кали ты совершенно неподходящая личность.

– Это мы еще посмотрим! – обиделся Ленья. – И вообще, Лолка, ты делаешь проблему там, где ее нет и не может быть. Скажи своей тете Кале, что ты – моя жена, надеюсь, такое твое положение устроит тетку?

– Устроит... – неуверенно пробормотала Лола, – конечно, устроит... Тетя Каля законный брак очень уважает, она сама три раза была замужем, и все три раза – удачно...

– Ну, вот видишь, как все чудно складывается! – обрадовался Ленья. – Скажем ей, что я – обеспеченный человек, что у меня, допустим, собственная конфетная фабрика где-нибудь в Вышнем Волочке или маслозавод под Вологдой.

– Продукты нельзя, она обязательно захочет попробовать! – смеясь, возразила Лола.

– Ну тогда, значит, у нас с тобой завод по производству санитарно-гигиенического фаянса в Карелии. Унитазы делаем, причем даже лучше бельгийских! Подходит такое для тети Кали?

– Даже не знаю... – задумалась Лола.

– Ну, дорогая, соглашайся скорее стать моей женой, я всю жизнь мечтал о такой женщине как ты! – разошелся Ленья. – Ей-богу, не станет же твоя тетка проверять документы? Хотя, если хочешь, я сделаю самое настоящее свидетельство о браке, с гербовой печатью! Даже лучше настоящего! Ты в каком дворце хочешь зарегистрироваться?

– В городском ЗАГСе, – улыбалась Лола.

Она вспомнила, как паршивец Ленька однажды уже предложил ей руку и сердце. Лола тогда была в ужасном состоянии, она поняла, что такая жизнь не для нее, и совершенно серьезно решила все бросить и расстаться с Маркизом навсегда. Тот испробовал все мыслимые средства, чтобы удержать Лолу, и наконец сказал, что хочет на ней жениться. Лола тогда так удивилась, что решила погодить с отъездом. И что же вы думаете? Оказалось, что этот негодяй просто тянул время. То есть Лола-то и не собиралась за него замуж, ей такое и в голову не приходило. Но она стала задумываться, отвлеклась тогда от мрачных мыслей, чего и добивался ее нахальный компаньон. По прошествии некоторого времени оказалось, что гораздо лучше оставить все как было, и вопрос о женитьбе отпал сам собой.

– Ну, вот видишь, как все хорошо складывается, – как ни в чем не бывало, улыбался Ленья, – а ты расстраиваешься! Я всегда придумываю выход из положения. Что еще нужно? Свадебные фотографии? Скажешь тетке, что куда-то их засунула или что их испортили...

– Еще кольца, – капризно протянула Лола.

– Ах да, кольца! – спохватился Ленья. – Собирайся, едем в магазин Бананова! И еще я попрошу Ухо, чтобы он раздобыл нам приличную машину. Как думаешь, тетю Калю устроит «шестисотый» «Мерседес»?

– Думаю – да...

Парень, носящий странную кличку Ухо, был старинным Лениным приятелем. Его коньком были машины. Он мог угнать любую и подобрать любую за самое короткое время.

– Да, кстати, – спросил Ленья, когда они уже сидели в машине, – отчего ты сказала, что твоя тетка была три раза замужем, и все три раза – удачно? Я-то по серости думал, что раз удачно – то только один...

– Ну, слушай, расскажу, пока едем, – посмеивалась Лола, – это просто любовный роман какой-то... Значит, первый раз тетя Каля вышла замуж лет тридцать пять назад. Ей тогда было восемнадцать или чуть больше, а меня, сам понимаешь, еще не было на свете. Но родственники так часто перемывали Калерии косточки, что я полностью в курсе всех ее приключений с тремя замужествами. Значит, вышла она замуж по жуткой и страстной любви. Ее избраннику было тоже чуть больше восемнадцати, и был он студентом университета.

– У вас в Черноморске есть университет? – не удержался Ленья.

– Ты что, с ума сошел? – Лола по-настоящему обиделась. – Черноморск – большой город. И очень, кстати, красивый! Море опять же...

Познакомились черноморские Ромео и Джульетта на пляже. В приморских городах все самое интересное происходит на пляже. Или в море. Или вечером на набережной, когда играет музыка и нарядные отдыхающие прогуливаются, овеваемые вечерним свежим ветерком.

– Студент был очень высокий, сутулый и рыжий, – с удовольствием рассказывала Лола, – звали его Изя Гринберг. А тетя Каля в юности была похожа на цыганку – такие, знаешь, черные кудри и огромные глаза – прямо Кармен какая-нибудь!

– Ну надо же, – протянул Леня, – и она сохранила хоть часть своей романтической красоты?

– А вот увидишь, – рассмеялась Лола, и Леня заподозрил подвох.

– Короче, дети влюбились друг в друга как ненормальные. И захотели немедленно пожениться. Но у студента была мама Роза Семеновна. Папа тоже у студента имелся, но не играл в семье большой роли, хоть и работал зубным врачом. С точки зрения мамы, брак, во-первых, был недопустимо ранним, а во-вторых, являлся жутким мезальянсом, поскольку невеста происходила из простой семьи, нигде не училась и в разговоре иногда путала падежи.

– Как же студента-то угораздило? – заикнулся Леня, но тут же опомнился. – Ах да, Кармен...

– В общем, мама легла костью, – рассказывала Лола, – то есть при упоминании в доме имени невесты она тут же аккуратно падала в обморок. После чего спектакль шел по раз и навсегда разработанному плану: папа вызывал «Скорую», соседки упрекали студента в неблагодарности, близкая подруга прямо заявляла, что он сведет мать в могилу. Потом маме делали укол, она приходила в себя и слабым голосом просила у всех прощения, собираясь отойти в мир иной. И представляешь, какова сила материнской любви – она так играла свою роль, что окружающие каждый раз не могли удержаться от слез!

– Талант! – с уважением заметил Леня.

– Материнское чувство, – возразила Лола. – В общем, так продолжалось несколько недель, сын не собирался отказываться от своей неземной любви. Слечь в больницу надолго мама никак не могла, так как боялась оставить ситуацию неконтролируемой. И по прошествии некоторого времени мамино ампула начало давать перебои. То есть она перестала по-настоящему вкладывать душу в спектакли, и соседям надоело каждый раз бросать все дела и мчаться спасать Розочку Гринберг. А когда нет зрителей, то играть неинтересно, это я тебе говорю как актриса. Короче, мама решила сменить пластинку и заявила сыну, что, женившись на **этой**, он уйдет из дому голый и босый, и что его жену она никогда не примет. И студент тут же ушел из дому!

– В этом была мамина ошибка, – со знанием дела заметил Леня, остановившись на перекрестке, – ей нужно было идти до конца.

– То есть, ты думаешь, что ей следовало было помереть по-настоящему? – усомнилась Лола. – Думаешь, это бы помогло?

– Ну не знаю... – отмахнулся Леня, тронув машину с места и сделав вид, что полностью поглощен дорогой.

– В общем, молодые поженились без согласия родителей и сняли комнату в пригороде у неграмотной деревенской бабки. Их неземной любви хватило лет на пять, а это, согласись, очень большой срок. Потом начались сложности: у Изи умер папа, мама заболела по-настоящему, и он потихоньку перебрался в свою квартиру. Возможно, тут еще сыграл роль тот факт, что тетю Калю здорово разнесло после рождения сына.

– Ну и в чем же это замужество было удачным? – нетерпеливо спросил Маркиз.

– Ты слушай дальше! Прошло еще года два, и Изя с мамой надумали свалить на историческую родину. Папа – зубной врач – завернул боты, как теперь говорят, и жить стало особо

не на что. Накопления, конечно, были, но не так чтобы большие. С тетей Калей Изя к тому времени развелся, университет давно окончил, хотел заниматься научной работой, но ему не давали, и ты сам понимаешь почему.

– Да уж ясно, из-за национальности.

– Подали они документы, кое-где мама слегка подмазала, чтобы разрешение на выезд дали быстрее. Тетя Каля как бывшая жена не могла возражать, но по закону Изя перед отъездом должен был выплатить ей всю сумму алиментов до восемнадцатилетия их сына. И он заплатил ей как одну копейку четыре с половиной тысячи рублей.

– По советским временам сумасшедшие деньги, – заметил Леня, – за всю жизнь не накопить...

– Точно! – согласилась Лола. – И вот тут тетя Каля показала свою индивидуальность. Родственники наперебой советовали ей, кто – положить деньги на сберкнижку на черный день, кто – дать им займы, а они потом вернут с процентами, но тетя Каля никого не стала слушать. Она купила машину – подержанный пикап и первую партию товара – овощей и фруктов. И стала торговать на рынке.

– Отчаянная женщина, – заметил Леня. – Одна, без мужчины на такое решиться.

– Ты не знаешь нашей тети Кали! – гордо усмехнулась Лола. – Через год у нее уже была там своя собственная палатка и двое нанятых продавцов. Все рыночное начальство и местную милицию она так подмазала, что они начинали улыбаться и кланяться, едва завидев, как ее пикапчик въезжает на территорию рынка.

– Теперь я понял, отчего ее первое замужество ты называешь таким удачным, – пробормотал Леня, – но, однако, придется прерваться, поскольку мы уже приехали.

В салоне известного петербургского ювелира Бананова было сумрачно и пусто, поэтому продавцы необыкновенно оживились, завидев вполне кредитоспособную, по их представлениям, пару. Лола рассеянно обежала глазами витрины и остановилась возле бриллиантов. Она не любила изделия Бананова, уж слишком они были... ну, современные, что ли. Лола предпочитала классический дизайн.

– Но вот эти серьги я бы, пожалуй, примерила... – задумчиво сказала она.

Но не успел продавец кинуться выполнять ее пожелание, как подошел Маркиз.

– Дорогая, нам не сюда, – тихонько напомнил он, – ты не забыла, что у нас дело?

– Но мне понравились эти серьги, – заныла Лола, – и кольцо...

– Но оно же не обручальное...

– Какая разница?

Если Лола что-то хотела, она становилась необыкновенно упрямой.

– Какая разница, что кольцо не обручальное? – завелась она. – Ведь мы же не собираемся жениться по-настоящему!

Леня поймал удивленный взгляд продавца и подмигнул ему. Тот сразу успокоился – среди клиенток и не такие капризные попадают!

– Верно, – согласился Леня и добавил вполголоса: – Мы женимся для твоей тети Кали. Стало быть, обычное кольцо с бриллиантом, хоть и очень крупным, ее не впечатлит. Значит, идем к обручальным.

Он ловко подхватил Лолу под руку и направился в дальний угол.

– Но они такие скучные, – упиралась на ходу его подруга.

– Лола, помни о тете! – приказал Маркиз.

Лола нехотя показала продавцу на тоненький золотой ободок.

– Ну, вот это, что ли...

– Что? – закричал Леня. – Чтобы тетя Каля, увидев это кольцо, посчитала твоего мужа жмотом и выжигой? Я не какой-нибудь, у моей жены должно быть все самое лучшее! Вот это, пожалуйста, – он указал на кольцо, которое в ширину было сантиметра полтора.

– Леня, это не кольцо! – заявила Лола. – Это кусок золота, надетый на палец! Золотая гайка! Да в нем руку согнуть невозможно! И вообще, тут все ужасно! Кольца толстые и глупые, как индюшки!

– Что вы можете предложить моей невесте? – строго спросил Леня.

Продавец услужливо согнулся и показал платиновое кольцо с тремя бриллиантами.

– Ничего, но тетя Каля наверняка подумает, что это серебро, – вздохнула Лола.

– Ладно, берем это, – решительно сказал Леня, – мне уже надоело.

Кольцо было не слишком толстое, бриллианты не слишком крупные, Лола не то чтобы осталась довольна, но ей тоже надоело выбирать драгоценности, руководствуясь вкусами своей тетки.

Чтобы поощрить Лолу, Маркиз повез свою подругу в ресторан перекусить. Лола была настолько озабочена приездом тети Кали, что даже не стала по своему обыкновению придирчиво исследовать меню – заказала не глядя какую-то рыбу и салат.

– Выпьешь что-нибудь? – заботливо осведомился Леня. – Тебе нужно взбодриться.

– Совершенно нет настроения, – пожаловалась Лола.

Она не сказала Лене, что, узнав о приезде тетки, сначала испытала досаду. Потом усоветилась и даже обрадовалась, потому что в детстве очень любила тетю Калю за неиссякаемый оптимизм и легкий нрав. И только теперь Лола испытала странное тревожное чувство. Ей показалось, что с приездом тетки обрушатся на их с Маркизом головы горы неприятностей.

«Нельзя быть такой эгоисткой, – тут же упрекнула себя Лола, – тетка все же родная. И Леня подошел к моим проблемам очень внимательно, честно говоря, я такого от него даже не ожидала... Посмотрим, однако, как ему понравится тетя Каля...»

От этой мысли Лола повеселела, заказала бокал белого вина и продолжала рассказ о замужествах своей тетки.

– Прошло еще какое-то время, дела у тети Кали в сфере торговли шли довольно успешно, и она решила обзавестись приличным домом. До этого жила она в пригороде у той самой бабки, у которой они с первым мужем сняли комнату после свадьбы. Бабка к тому времени умерла, и тетя Каля выкупила у родственников ее халупу. Она пристроила там верандочку, сделала летнюю кухню, но все равно дом был так себе, да и от города довольно далеко. А тут подошло время сыну Илюшеньке идти в первый класс, и тетя Каля заявила, что сын ее должен учиться в городе в самой лучшей школе.

Тем же летом она познакомилась со своим вторым мужем. Однажды ехала она поздно ночью на своем пикапчике – торопилась вернуться. И заметила на дороге лежащего человека. Хорошо, что она увидела его заранее и успела затормозить. Мужчина был без сознания, очевидно, его кто-то сбил, не заметил и уехал. Тетя Каля собиралась доставить пострадавшего в больницу, но когда она тащила его в машину, он очнулся и пробормотал, что в больницу никак нельзя. Тетя Каля ничего не побоялась, привезла его к себе домой и вызвала знакомого врача. У пострадавшего оказалось сотрясение мозга, сломана нога и два ребра. Два месяца провалялся он у тети Кали в деревенском доме, она за ним ухаживала, и так хорошо, что в результате они поженились.

– Очень романтично, – вставил Леня.

– Вообще-то, второй муж был довольно темной личностью, так однозначно решили все родственники, – продолжала Лола. – Сам посудите, он ничего не рассказывал: ни как оказался на дороге, ни куда шел, ни какая машина его сбита. Родом он был не из наших мест, приезжий, никто про него ничего не знал. Внешне мужчина выглядел очень прилично: лет под сорок на вид, разговаривал вежливо, одет и подстрижен аккуратно. Сейчас я думаю, что мужчина

этот был не уголовником, а дельцом теневой экономики, как тогда говорили, цеховиком. Но в то время родственники забили тревогу и попытались защитить тетю Калю, хотя она об этом никого не просила.

– Насколько я могу себе представить, твоя тетка сама способна себя защитить от кого угодно, – вставил Маркиз.

– Это точно! – согласилась Лола и продолжала: – В общем, когда новый муж тети Кали совершенно очухался, то принялся за строительство нового дома. К тому времени тетя Каля приобрела участок в отличном престижном районе, море рядом – в общем, настоящий курорт. У нового мужа, звали его Анатолий Петрович, и фамилия какая-то простая, не то Иванов, не то Козлов, не то Шишкин, и вправду оказалась сильно развита коммерческая жилка. Во всяком случае, все строительные материалы он сумел достать буквально из воздуха, это в то время! То есть я, конечно, не могу помнить, – поспешно поправились Лола, – но мама так говорила. Дом строили долго, но зато получилась настоящая трехэтажная вилла, вокруг – большой сад. Муж тети Кали занимался каким-то своим бизнесом, она в его дела не вмешивалась, у нее свои заботы. Сын Илья отлично учился, особенно успевал в точных науках, очевидно, унаследовал гены папы-математика. Словом, все было прекрасно, пока не грянула перестройка и второй муж тети Кали не исчез с горизонта так же внезапно, как и появился. Она всем говорила, что муж уехал не то в Москву, не то в Питер, оставив ей на память о себе отличный дом. Родственники если и судачили, то за спиной тети Кали, поскольку в глаза говорить ей гадости все боялись.

– Слушай, она мне уже начинает нравиться! – заявил Леня.

– То ли еще будет, когда ты ее увидишь, – вздохнула Лола. – Но я перехожу к третьему мужу. Тетя Каля недолго прожила одна. Перестройка набирала ход, все начали торговать, тетка не то чтобы убоилась конкуренции, но, надо думать, немножко утомилась. Тем более что завелись в наших краях лихие ребята, которые могли, к примеру, остановить машину где-нибудь на темной дорожке и отобрать весь товар.

Сын ее Ильи к тому времени окончил школу и уехал учиться в Германию. Тетке стало скучно одной в огромном доме, и она задумала новое дело. Палатки на рынке она продала, и очень выгодно, дом немножко переделала и открыла частный пансион для отдыхающих. К тому времени все государственные заведения потихоньку начали разваливаться, а у тети Кали место отличное, море рядом, дом новый, все удобства... Отдыхать-то на море все любят. И народ повалил валом. Тут же как-то вдруг появился у тети Кали и новый муж – бывший военный, ныне отставник. Он с головой окунулся в проблемы жены и завел в доме такой порядок, как на плацу перед приездом генерала. Все отдыхающие ходили у него по струнке, дети никогда не плакали, ели что дают. Кстати, кормили они людей отлично, это я помню. Тетя Каля на своем пикапчике разъезжала по району и добывала продукты, ее муж надзирал за домом. Верить ли, он даже построил отдельные будки для отдыхающих собак!

– Что ты говоришь? – Леня от удивления чуть не поперхнулся минеральной водой.

– Точно, ничего не придумываю. Так они жили душа в душу много лет, а года три назад тетин муж умер. И тогда она продала все дело за очень приличные деньги и купила себе квартиру в городе и небольшую дачку на берегу моря. И теперь я понятия не имею, зачем она едет в Петербург.

– Ничего, все разъяснится...

После этого Лола развила бешеную деятельность. Она сделала генеральную уборку в своей однокомнатной квартире, забила холодильник продуктами и на следующий день с утра отправилась в парикмахерскую, чтобы привести себя в порядок к приезду любимой тетки. Леня коротал время в компании животных, и тут-то как раз и появилась тетя Каля, которую совершенно не ждали ни в этот день, ни в этой квартире.

– Ах, тетя Каля! – воскликнул Леня, потрясенно оглядывая Лолину родственницу. Зрелище было действительно достойно внимания.

Тетино могучее тело возвышалось на двух толстых ногах, как на двух дорических колоннах. Судя по комплекции, тетя Каля вполне могла бы выступать на соревнованиях штангистов-тяжеловесов или даже традиционных японских борцов сумо. Загорелое обветренное тетино лицо принадлежало, кажется, одному из запорожцев с известной картины Репина. Не хватало только длинных усов и лихого казацкого чуба.

Мелькнули в Лениной голове мысли насчет романтической красавицы Кармен и влюбленного рыжего студента, но он тут же отогнал их, как неподходящие к случаю. Скорее всего, Лола просто его разыграла, подумал Леня, хорошенько разглядев тетку.

– Ну как же! – растерянно повторил Леня. – Мы получили вашу открыточку! Но только ведь вы собирались приехать завтра... двадцать четвертого... мы и встретить вас хотели... а сегодня ведь только двадцать третье, и Лолы... то есть Оли, сейчас и дома нету. Она как раз в парикмахерскую отправилась, к вашему приезду готовится...

– От, бедненькая! – Тетя Каля всплеснула могучими руками. – Да разве ж то надо? Да разве ж мне ее прическа интересна? Она мне ни вот столечко не интересна! Я ведь ее от такой помню! – Она показала рукой сантиметров двадцать от пола, приблизительно на высоту Пу И. – Небось тогда к парикмахеру не бегала... маленькая была, худенькая, прямо жалость! Да и теперь небось тоже худышка! Тут все такие замороженные, у вас что, с продуктами перебои? Вот у нас в городе Черноморске девчата – так то девчата, все при всем. На узкой улочке повстречаешь – так ни за что не разойдешься, придется задний ход давать... Ну, да ничего, я же ж и сальца привезла, и колбаски домашней, и творожку – откормлю вас, ни вот столечко не сумлевайся! Будете на людей походить! А что вы меня не встретивши – так то ж ничего, то ж не страшно, у меня и вещей-то почти нету, – тетка окинула пренебрежительным взглядом громоздящуюся посреди прихожей груды сумок, пакетов и чемоданов, при виде которой упал бы в обморок выучный верблюд с большим трудовым стажем.

– А что я приехавши на денек пораньше, – продолжала она, – так то я железнодорожника знакомого повстречала, Ивана Тимофеича, он меня в свое купе посадил. «Каля, – говорит, – чего ж ты будешь билет брать, когда у меня купе, считай, пустое? Ты меня что, обидеть хочешь? Если ты в моем купе не поедешь, так считай, что мы с тобой на всю дальнейшую жизнь враги!» Ну, нельзя же хорошего человека обижать? Тем более Иван Тимофеевич – он такой важный, такой сурьезный, не кто-нибудь – старший железнодорожный проводник! А свой половинный я Захаровне отдала...

– Половинный? – Леня встряхнул головой, как после купания, когда в уши попадает вода. Бесконечный монолог тети Кали совершенно сбил его с толку, он запутался среди каких-то незнакомых людей – Иван Тимофеевич, Захаровна. Теперь еще какой-то половинный...

– А то ж! – воскликнула тетя Каля могучим басом. – У меня ж стажу немерено, и я, как ветеран и передовик, имею от государства половинный билет, а у Захаровны нету льготы. Вот я ей свой половинный и отдала, вместе с документом, чтоб ей подешевле... А она еще черешни привезет, ящичек, так что надо завтрачка ее встретить, а то мне все не прихватить было. Силы-то уж у меня не те, что прежде... Так взяла только самое важное: сальце, да колбаску домашнюю, да творожок, да медку самую малость, майского – надо же вас подкормить, а то вы тут совсем отощали, видать, с продуктами перебои...

– Тетя Каля! – воскликнул Леня, окончательно одуревший от безостановочного потока южной речи. – Нет у нас перебоев с продуктами! Все здесь есть! И творожок, и колбаска, и медок...

– Гы? – недоверчиво крякнула тетя Каля. – Сотовый? Да никак того не может быть!

– Сотовый? – удивленно переспросил Леня. – Я думал, что сотовые бывают только телефоны...

– А то ж! – радостно подхватила тетя Каля. – У вас все только телефоны! А медку сотового небось и не пробовал!

– А как же вы нас нашли? – попытался вклиниться Ленья. – Где вы этот адрес взяли?

– А на той квартире, что у меня адрес записан был, соседка, Эльза Борисовна, понимающая женщина, этот адресочек мне дала. «Они, – говорит, – тут-то редко бывают, почитай, что совсем не живут, а живут они вот где...» – и дала этот ваш адресочек. От ведь понимающая женщина! И из себя видная, прямо как наша, черноморская, не то что здешние доходяги, которых только через дуршлаг отбрасывать...

Ленья вспомнил соседку Лолы, любопытную, постоянно лезущую в чужие дела восьмипудовую пенсионерку, и понял, что тетя Каля непременно должна была найти с ней общий язык.

В это мгновение он с удивлением увидел, что один из многочисленных тети Калиных пакетов, огромной грудой сваленных посреди прихожей, медленно двинулся.

Проследив за Лениным взглядом, тетя Каля негромко ойкнула.

– Ох, что ж это творится? Что ж это делается? Ой, мамочка моя! Что ж это у вас в Питере за чудеса?

Тетя отступила к стене и в ужасе наблюдала, как ее пакет уверенно ползет в направлении кухни.

– Что... что ж там такое? У меня ж там колбаска была домашняя... хорошая такая колбаска... Колбаска, она ведь ползать не умеет, она должна себе тихонько лежать...

– Колбаска ползать не умеет, – подтвердил Ленья, шагнув к непослушному пакету.

Он догадывался о причинах странного поведения тетиного пакета, но эту догадку следовало проверить.

Наклонившись, он попытался схватить удивительный пакет, но тот чрезвычайно шустро вильнул в сторону и очень ловко проскочил в кухонную дверь, как футбольный нападающий проскальзывает через оборону противника. При этом из-под загадочного пакета на долю секунды высунулся влажный блестящий нос.

– Пу И, паршивец, немедленно прекрати безобразничать! – воскликнул Ленья и перехватил пакет в замечательном балетном прыжке.

Пакет остался у него в руках, а выскочивший из него песик с жалобным визгом припустил в дальний угол кухни, сжимая в зубах приличный кусок тети-Калиной домашней колбасы.

– Так то ж у вас собачка! – с облегчением вздохнула тетя Каля. – А я-то испугалась! Ну, умная ж какая собачка! Знает, где настоящая колбаска домашняя! Сразу нашла! Небось наша колбаска-то лучше вашей собачьей еды... То-то ж она у вас такая маленькая, вы ее, видно, плохо кормите! Ну, ничего, я ее откормлю, поест настоящей домашней колбаски, будет большая, лохматая, как положено...

Пу И скрылся за диваном, где его подждал кот Аскольд.

Аскольд, несомненно, подбил песика на похищение колбасы и теперь ожидал своей законной доли. Сам он не мог унизиться до вульгарной кражи, это было ниже его достоинства, а вот подговорить на преступление легкомысленного чихуа-хуа он вполне мог.

За время Лолиного отсутствия Ленья успел выслушать всю повесть тети-Калиной жизни и полностью разобраться в сложной системе Лолиных родственников. Тетка носилась по квартире, как лось, и безостановочно говорила. Сначала Ленью это забавляло, потом начало утомлять. Пу И тетка порывалась взять на руки и обещала откормить, так что он будет размером с хорошего волкодава. Попугая тетя Каля одобрила, ей очень понравилось, что он такой разноцветный. Опытный и осторожный кот Аскольд на всякий случай тетке не показывался, посылая на разведку Пу И.

Наконец, когда Ленья уже начал изнывать, явилась Лола, благоухающая духами и лаком для волос. Впрочем, прическа удержалась ровно полторы минуты, до тех пор пока тетя Каля

не схватила Лолу в объятия и не начала ее тискать и целовать. Она пустила слезу и долго сокрушалась, какая же племянница худенькая, ну, да это дело поправимое.

Сели обедать, после того как тетя Каля с негодованием отказалась идти в ресторан.

– Да чего ж я там не видела, в вашем ресторане? – шумела она. – Да видано ли дело – с родным мужем в ресторан ходить? Или я тебя готовить не учила? – обратилась она к Лоле. – Или лень тебя одолела?

– Точно! – встрял Леня. – Уж это вы верно заметили, тетя Калечка. Я, конечно, женой доволен, но насчет обеда... сплошные полуфабрикаты!

В глазах его плясали чертики, но тетя Каля ничего не заметила.

– Это ж какие такие полуфабрикаты? – взревела она раненым бегемотом, – когда мужу нужно борщи варить! Такие борщи, чтобы ложка в них стояла!

– Золотые ваши слова! – поддакнул Леня.

– Ты, Леонид, не беспокойся, – сурово сказала тетя Каля, – я ей живо мозги вправлю. Пока я здесь, ты голодным не останешься!

После этого тетка с племянницей уединились и предались воспоминаниям. Хозяева так и не успели спросить гостью, за каким чертом она приперлась в Петербург и долго ли собирается здесь оставаться.

Среди ночи раздался вдруг жуткий визг и громкие крики из комнаты Лолы, где спала тетя Каля. Маркиз собрался первым и выскочил в коридор. Дверь в теткину комнату была раскрыта, и видно было, как что-то огромное и белое, сильно напоминающее привидение, мечется там, не находя выхода. Визг по-прежнему продолжался.

Лола сквозь сон узнала по визгу голос любимого песика и моментально проснулась. Она прибежала, когда Леня наконец догадался включить свет. Глазам ошеломленных зрителей представилась удивительная картина.

Тетя Каля в огромной и длинной до пят белой хлопчатобумажной ночной сорочке как раз вылезала из-под кровати. В руке она держала что-то извивающееся и тоненько визжащее. Тетка с размаху бросила это на кровать и загрохотала:

– Ишь что выдумал, паршивец этакий! В кровати он хочет спать! Если ты собака, то должна свое место знать! Должон быть порядок! Собаке положено спать в будке, а уж на крайний случай – на коврик перед дверью! А то на тебе – в кровать он лезет!

Тут она заметила, что Пу И от страха и расстройства напустил лужу прямо на одеяло. Лола поняла, что нужно спасти животное, и выхватила Пу И из-под теткиного разгневанного носа.

– Ну и порядки у вас в Питере! – начала тетя Каля громогласно. – Собак в кровать пускают!

– Он так привык! – извинялась Лола.

– Привык он! – хмыкнула тетка. – Отвыкать надо! Ну, я его отучу по кроватям шастать. Лежу это я себе, десятый сон вижу, очень, между прочим, интересный, вдруг он как завизжит!

– Это вы его во сне придавили... – рассмеялся Леня, – а что, спать больше никто не собирается?

Тетя Каля усовестилась, что разбудила работающего, как она думала, мужчину, и закрыла дверь.

Бедный Пу И никак не мог понять, что происходит. Он не делал ничего противозаконного, только попытался утвердиться на своем привычном месте. Его же чуть не раздавили, да еще за это отругали.

Лола шепотом утешала своего любимца, осторожно ощупала его на предмет поврежденный и попыталась протащить в комнату Маркиза, которая была объявлена супружеской спальней, чтобы тетка ни о чем не догадалась. Но не тут-то было! На Лениной кровати давно и

прочно спал кот Аскольд. И никому не собирался уступать своего законного места. Он так шипел и царапался, что Маркиз не выдержал и выбросил Пу И за дверь. Лола пыталась протестовать, тогда Леня сказал, что если она немедленно не заткнется, он выбросит ее вслед за Пу И. Лола испугалась, что тетка узнает про обман, и притихла.

Несчастный песик коротал ночь на диване в гостиной. Не самое плохое место, но Пу И обиделся до глубины души.

Наутро тетя Каля поднялась с петухами. То есть так можно сказать, если бы в квартире водились петухи. Но из пернатых имелся в наличии лишь попугай, который сам любил поспать. Тетя Каля нажарила гору румяных сдобных оладушек и перебудила всех. Напившись чаю и накормив всех оладьями с замечательно ароматным абрикосовым вареньем нового урожая, тетка собралась на вокзал за прибывающей черешней, взяв в провожатые одну Лолу. Леню, как занятого мужчину, от всего освободили, тетя Каля заявила, что ящичек с черешней небольшой, пудика два, даже носильщика не нужно брать, они и сами прекрасно справятся.

Скорый поезд Черноморск – Санкт-Петербург медленно подползал к перрону.

– Скорее, – бормотала тетя Каля, шагая вдоль состава и непринужденно раскидывая встречающих, как раскидывает противников прорывающийся к воротам хоккеист, – скорее, Олечка, а то Захаровна подумает, шо мы ее не встретивши, волноваться будет... а ей же вредно волноваться... У ней же черешни ящичек, хороший такой ящичек, аккурат два пудика... ей же одной никак не справиться, она ведь женщина слабосильная...

– Да не волнуйся ты, тетя Каля! – пыталась успокоить темпераментную родственницу едва поспевавшая за ней Лола. – Ну, подождет она пять минут, что ей сделается? И черешня за эти пять минут не испортится, если уж такую дорогу выдержала...

– Ну уж у вас и вокзал, – ворчала на ходу тетя Каля, – идешь, идешь, а все конца не видно... вот у нас в городе Черноморске вокзал – так то вокзал, все близехонько...

Поезд остановился, и навстречу хлынула волна приезжих – шумных, говорливых, загорелых, бурлящих, как молодое вино.

– Та вот же он, седьмой вагон! – обрадовалась тетка. – А где же ж тут Захаровна?

К вагону одновременно с ними подошли двое мужчин в белых халатах, один из них нес пустые носилки. Санитары вполголоса переговорили с проводником и скрылись внутри вагона.

– Захаровна! – окликнула тетя Каля, заглядывая в окна. – Вот же ж я! Захаровна, ты где же?

Лола остановилась возле проводника перевести дыхание. Теткина бьющая через край энергия здорово ее утомила.

Рядом с Лолой разговаривали двое – невысокая кругленькая старушка и худощавая женщина лет сорока.

– Ох и натерпелась же я страху! – жаловалась старушка, одновременно пересчитывая чемоданы. – Ох и натерпелась! Ты представь, Лизавета, с покойником в одном вагоне ехать!

– Что ж, мамочка, бывает! Сердце, что ли?

– Та! Какое сердце! Убили ее, ночью убили! Ну, натерпелась я страху! Лизавета, а где же зеленая-то сумка?

– Вот, мамочка, твоя сумка! Ты только не переживай, сейчас Валерий подойдет, донесет все до машины... Неужто правда убили? Что, деньги у нее большие были? Деньги взяли?

– Ох! Ну, ты скажешь, Лизавета! Да какие же деньги? Откуда у нее деньги? Приличная такая женщина! Та! Я с ней сперва-то даже разговаривала, с покойницей...

– Что ты, мамочка, такое ужасное говоришь? Как же можно с покойницей разговаривать?

– Та! Лизавета, типун тебе на язык! Что ты выдумываешь? Я ж с ней прежде разговаривала, пока она еще была живая... Хорошая такая женщина, к родственникам ехала...

Тем временем санитары вышли из вагона. На этот раз они с видимым трудом тащили носилки, на которых громоздилось накрытое простыней крупное тело. Тетя Каля совершенно случайно оказалась рядом с носилками.

В это мгновение край простыни откинуло ветром, открыв землистое, безжизненное одутловатое лицо.

Тетя Каля застыла как громом пораженная. Она разинула рот, будто сиюминутно что-то сказать, но слова неожиданно застряли у нее в глотке. Надо признать, что такое произошло с Калерией Ивановной первый раз в жизни. Прежде ей никогда не случалось терять дар речи, напротив, она скорее страдала излишней, просто болезненной разговорчивостью.

– Тетя Каля! – Лола бросилась на помощь родственнице. – Тетя! Что с тобой случилось? Тебе плохо?

– Тс-с! – зашипела вдруг тетка, переводя на Лолу округлившиеся от ужаса глаза. – Олечка, пошли отсюда скорее!

– Что такое? – Лола огляделась по сторонам.

Толпа приезжих понемногу редела, и теперь Лола увидела неподалеку на перроне машину «Скорой помощи», к которой неторопливо направлялись санитары со своей ношей, и еще одну машину – невзрачные «Жигули» с мигалкой на крыше и с боевой милицейской раскраской по бортам.

Проводник седьмого вагона разговаривал с мрачным сутулым парнем лет тридцати, в поношенной кожаной куртке и линялых джинсах, словно вышедшим из популярного сериала «Менты». Парень тоскливо курил, в левой руке он держал розоватый мятый листок билета.

– Свириденко, значит... проговорил он, морщась, как от зубной боли, – ну, нет покоя! Еще один глухарь! Свириденко, значит, Калерия Ивановна... ну чистый глухарь, печенкой чую...

Лола изумленно уставилась на тетю Калю и хотела что-то ей сказать, но тетка неожиданно схватила ее за локоть и поволокла в сторону вокзала, как бурный поток тащит легкую щепку.

– Тетя Каля, – Лола попробовала вырваться, но это было совершенно невозможно, – тетя Каля, а как же... Ты же встретить хотела... свою знакомую... черешня...

– Встретила уже! – проворчала та, затравленно оглядываясь. – Покушали черешни!

– Да объясни ты мне наконец, что произошло!

Тетя Каля резко остановилась, приблизила к племяннице побледневшее под многолетним загаром лицо и испуганно прошептала:

– Так то ж и была Захаровна!

– На носилках? – растерянно переспросила Лола.

– Ну да, на носилках!

– А почему этот мент сказал – Калерия Ивановна Свириденко? Кто это – Свириденко?

– Так то ж я! – прошептала тетя Каля, еще больше округлив глаза. – То ж я по третьему мужу Свириденко!

– Господи! – Лола завертела головой, как будто надеялась, что от этого ее мысли прояснятся. – Тетя Каля, да объясни же ты мне наконец, при чем здесь ты?

– Так я же Захаровне свой половинный отдала! Чтобы он не пропал, а ей подешевле ехать! Заодно и черешни ящичек поставили, у нее своих-то вещей немного было! Ящичек-то совсем небольшой...

– Знаю, два пудика, – вставила Лола.

– Ну вот, ты же сама знаешь! – обрадовалась тетка.

– Да ничего я не знаю! – вскрикнула Лола, так что на нее оглянулся проходивший мимо носильщик. – Объясни мне толком, при чем здесь черешня, при чем здесь ты и почему мы удрали с перрона, как преступники?

Лола потеряла способность соображать быстро только оттого, что в данный момент находилась, если можно так выразиться, не на работе и совершенно не ждала от тети Кали никаких криминальных неприятностей. То есть она предчувствовала, конечно, заранее, что на то время, пока у них гостит тетка, о спокойной жизни придется забыть, но чтобы так сразу – и вдруг покойник... это, знаете ли, чересчур.

– Та! – обиженно скривилась тетя Каля. – Ну до чего ж ты все-таки непонятливая! Черешня тут вовсе ни при чем, а я Захаровне отдала свой билет половинный...

– Льготный, что ли? – догадалась наконец Лола.

– Ну да! И документы свои отдала, удостоверение пенсионное и ветерана труда, а то ведь без документов сейчас в поезд не пускают, а с моими документами – это всегда пожалуйста...

– Ужас какой! – воскликнула Лола. – Так выходит, теперь они при ней найдут твои документы... уже нашли...

– Выходит, так! – пригорюнилась тетя Каля.

– Да зачем же мы оттуда сбежали? – Лола оглянулась в сторону платформы. – Надо было подойти, все им объяснить... так и так, это я Свириденко, а погибшая – Захаровна... как ее там по фамилии...

– Карацупа, – горестно сообщила Калерия Ивановна, – Карацупа Мария Захаровна...

– Ну вот! – И Лола сделала шаг в обратном направлении, в сторону представителей законной власти.

– Знаю я этих ментов! – простонала тетя Каля и потянула Лолу за руку. – Привяжутся, потом ни за что не отпустят! Я после первого мужа год на привозе стояла, рынок так у нас называется, так каждый, почитай, день менты налетали, что твои махновцы! И пока не откупишься от них – ни за что не выпустят! Конечно, ваши-то менты пожиже будут, никакого виду... – тетя Каля презрительно поморщилась, – вот у нас, в городе Черноморске, менты – так это менты! Здоровые, пузатые, один капитан Голопузенко чего стоит! Кулак, что твоя тыква, усы, как у моржа, как гаркнет – с деревьев листья падают... но до денег небось ваши тоже жадные! Нет, я к ментам в жизни не подойду! У меня и времени нет, дела важные, и денег нет лишних, чтобы от них откупаться...

– Но как же... – предприняла Лола еще одну попытку, – ведь они теперь тебя запишут как умершую...

– И не уговаривай! – сурово отрезала Калерия Ивановна. – Чтобы я своими ногами к ментам пришла? Хоть умершую, хоть воскресшую – мне наплевать! И Ивану Тимофеичу неприятности... не бывать такому! – И она решительно зашагала прочь.

Оглянувшись, Лола увидела, что милицейская машина, включив мигалку, уехала с перрона, и пожала плечами: переспорить тетю Калю она не надеялась и решила не ставить перед собой нереальных задач. В конце концов, тетя Каля пробудет у них недолго, потом уедет в свой Черноморск, и кто там узнает, что здесь ее посчитали умершей. И с родными несчастной Захаровны пускай она сама разбирается, Лола их знать не знает.

Открыв им дверь квартиры, Леня удивленно протянул:

– А где же знаменитая черноморская черешня?

Из-за его ноги выглядывала любопытная мордочка Пу И. Песик не интересовался черешней, ему просто хотелось быть в курсе всех происходящих событий.

– Ты представь, Ленечка, чего случилось... – начала Калерия Ивановна, но Лола изо всех сил наступила ей на ногу.

Тетя вскрикнула и повернулась к племяннице. Видимо, она прочитала все что нужно на ее лице, потому что замолчала, проглотив готовое сорваться с уст признание.

– Представляешь, – затараторила Лола, перехватив инициативу, – черешня совершенно испортилась! Просто в кашу превратилась! Пришлось прямо там все выбросить...

Тетя Каля хотела возмутиться и вступить за честь замечательных черноморских плодов, но суровый взгляд племянницы остановил ее, и она только согласно закивала.

– Ну ничего, – усмехнулся Леня, – здесь тоже черешню можно купить, если уж вам так нужно...

Это он сказал зря.

– Черешню? – обиженно проговорила Калерия Ивановна. – Да я ж себе представляю, шо у вас здесь за черешня! Это же не ягоды, а натурально одно горе! Вот у нас в городе Черноморске черешня – это черешня, каждая ягодка что твой помидор...

Тут она спохватилась, вспомнив, какая неприятность случилась со знаменитой черноморской черешней, и быстренько перевела разговор на другие рельсы:

– А ты мне скажи, Ленечка, где у вас нотариусы сидят?

– Нотариусов много, – Леня пожал плечами, – вам все равно к какому?

– Нет, – тетя Каля полезла в одну из своих сумок и начала вынимать из нее все содержимое.

Выложив на тумбочку кусок туалетного мыла «Лесной аромат», полтора десятка огромных пластмассовых бигудей, расческу, по внешнему виду подходящую разве что для вычесывания овец, коробочку с раритетными психотропными духами «Красная Москва», выпущенными в один год с запуском первого искусственного спутника Земли и запрещенными Женевской конвенцией как химическое оружие массового поражения, тетя Каля нашла наконец мятый конверт, надписанный ровным, аккуратным почерком.

– Нотариус Штукен... Штакен... Штокенвассер, – с трудом прочитала она головоломную фамилию.

– Ну так здесь и адрес должен быть. – Леня протянул руку за конвертом, – вот же написано – девятая Красноармейская, дом пять...

– Ой, правда! – обрадовалась Калерия Ивановна. – А я тут-то и не прочитала... надо мне к нему ехать, к этому Штукенштакену. Которая, говоришь, Красноармейская?

– Девятая.

– А сколько же их всего?

– Кажется, тринадцать.

– Ну, поразвели улиц! Хоть бы уж по-разному называли, а то все одни Красноармейские...

– Тетя Каля, а зачем тебе к нотариусу? – переглянувшись с Леной, спросила Лола. – Что у тебя за дела с этим... Штокенвассером?

– Вот у меня лично с ним никаких дел не было! – громогласно ответила тетка. – Я его, этого Штукен... чтоб его... я его в глаза не видела! Но понимаешь, сию я у себя в Черноморске, как раз черешня поспевать начала, и вдруг Васька-почтальон приносит письмо. Он его, конверт-то, в лужу уронил, когда с велосипеда упал. Они, видишь ли, с шурином как раз День строителя отмечали, шурин у него на стройке прорабом служит. Тоже тот еще фрукт, однажды с лесов свалился, чуть шею не сломал, так с тех пор она у него на сторону. У нас мужики даже песню про него сложили...

И тетя Каля запела на мотив всем известных «Подмосковных вечеров»:

– Что ж ты, милая, смотришь искоса,
Низко голову наклоня?
У меня, милоч, шея сломана —
С крыши выбросили меня...

Голос у тетки был сильный, как у целого донского казачьего хора. И такой же басовитый. Лола за спиной тети Кали страдальчески подняла глаза к потолку, Маркиз же успокаивающе ей

подмигнул. Он взял из теткиных рук конверт и прочитал, что Калерии Ивановне Свириденко надлежит такого-то числа явиться к нотариусу Штокенвассеру по делу о наследстве.

– И не спрашивай меня, от кого наследство! – зачастила тетя Каля. – Понятия не имею, кто мне чего оставил! Может, и вещь-то не стоящая! А только думаю, дай съезжу в Петербург, племянницу проведаю! Уж сколько лет не видались! Пока синенькие не поспели, как раз и обернусь!

– Хм, – произнес Маркиз, – какие зелененькие – знаю, это баксы, наши – это деревянонькие, а вот синенькие...

– Ох, и серый ты, Ленька! – вздохнула Лола. – Синенькие – это баклажаны, все знают.

– Что я – баклажанов не видел! – Леня обиделся, что его обозвали серым. – Ты еще скажи, что я помидоров никогда не ел!

– А разве ел? – завопили хором Лола с теткой. – Да разве здесь, в Питере, это помидоры? Вот у нас в Черноморске два помидора съешь – считай, что пообедал!

Леня с усмешкой наблюдал за родственницами, пока они не утомонились и не стали собираться к нотариусу.

Дверь квартиры захлопнулась за Лолой и ее темпераментной теткой. Маркиз облегченно вздохнул и задумался, как бы ему с пользой и удовольствием провести неожиданно освободившиеся два-три часа, как вдруг он услышал в соседней комнате подозрительный шум. Он собрался уже проверить, какую каверзу на этот раз задумали его четверолапые питомцы, когда шум перерос в оглушительный грохот и наконец затих.

Леня вбежал в комнату, где тетя Каля оставила свои многочисленные пожитки, и увидел картину полного разгрома. Теткины сумки оказались сброшены со стола и валялись на полу, содержимое из них высыпалось, и теперь необъятные лифчики и прочие детали дамского туалета были разбросаны в живописном беспорядке вперемешку с крапивными шампунями, кремами на основе масла чертополоха и прочими столь же впечатляющими изделиями парфюмерной промышленности славного города Черноморска.

Оставалось только радоваться, что предусмотрительная Лола успела убрать в холодильник привезенные тетей продовольственные запасы, которых, безусловно, хватило бы, чтобы накормить значительную часть голодающих Эфиопии или какой-нибудь другой экономически отсталой страны.

Леня огляделся в поисках виновника всего этого беспорядка. Поиски были непродолжительными: груда тетиного белья зашевелилась, и из-под нее с обиженным видом выбрался Пу И. За одно ухо песика зацепилась бретелька розового лифчика, своими размерами напоминающего грузовой парашют, в зубах Пу И сжимал какую-то тоненькую красную книжицу.

– Хорош, нечего сказать! – проговорил Маркиз, освобождая чихуа-хуа от волочащегося за ним дамского аксессуара. – Имей в виду, безобразник, – мальчики такого не носят!

Он присмотрелся к подозрительному предмету, который Пу И держал в зубах, и удивленно присвистнул. Осторожно отобрав у него потрепанную красную книжечку, Леня убедился, что это, не что иное, как паспорт Лолиной тетки Калерии Ивановны.

– Вот две растяпы! – в сердцах воскликнул Маркиз. – Их же без паспорта никакой нотариус не примет!

Пу И громко заскулил, чрезвычайно обиженный тем, что у него отобрали такую интересную игрушку, которой он еще не наигрался, но у Лени не было ни времени, ни настроения утешать его. Он вспомнил адрес нотариуса, к которому собиралась Калерия Ивановна, в две минуты собрался и поехал вдогонку за забывчивыми женщинами.

Маркиз ехал по городу наверняка быстрее Лолы, поэтому, свернув на девятую Красноармейскую, он увидел Калерию Ивановну и Лолу, которые только еще направлялись к нотари-

альной конторе. Он догнал женщин и отдал тете Кале ее слегка пожеванный паспорт, вкратце высказав свое мнение о рассеянных и забывчивых особах.

Калерия Ивановна расстроилась и заахала, Лола принялась выражать ей свою женскую солидарность, а Леня сказал, что у него есть дела, сел в машину и поехал домой.

Точнее, он только собирался поехать домой, но у него не получилось, потому что, выезжая с Красноармейской на Измайловский проспект, Леня попал в дорожно-транспортное происшествие.

Когда он проезжал перекресток, соблюдая все правила и нисколько не ожидая неприятностей, прямо под его машину подставился новенький красный «Фольксваген Гольф». «Фольксваген» внезапно выехал на красный свет, то есть его водитель был стопроцентно виноват в аварии. Леня вполголоса выругался, выскочил из машины и направился к виновнику, готовый растерзать того на месте.

– Ты, придурок чертов, что вытворяешь? Тебе что, жить надоело? Видел, во что ты превратил мою машину? Ты что, первый день за рулем? – прорычал Маркиз, наклоняясь к окошку «Фольксвагена».

Слова застряли у него в глотке.

За рулем сидела умопомрачительная блондинка в изумительном летнем льняном костюме от «Max Mara». Костюм подчеркивал все несомненные достоинства ее фигуры.

Блондинка заливалась слезами.

– Не первый! – проговорила она сквозь слезы, повернувшись к Лене. – Не первый, а третий!

– Что – третий? – нервно сглотнув, переспросил Леня, настолько потрясенный неземной красотой виновницы аварии, что он уже забыл собственные слова, и только что обуревавшие его чувства мгновенно отступили на второй план.

– Я за рулем не первый, а третий день! – прорыдала блондинка. – И сразу попала в аварию! Не волнуйтесь, я оплачу ваш ремонт, только, пожалуйста, помогите мне добраться до мастерской! Я не могу больше прикоснуться к рулю, у меня от страха все внутри сводит! А эта машина – моего брата, если он увидит, во что я ее превратила, он меня просто убьет!

При этом у нее был такой несчастный и беспомощный вид, что Маркиз незамедлительно поплыл.

На него всегда со страшной, просто убийственной силой действовала женская беспомощность.

– Не нужно ничего платить, – галантно проговорил он, – здесь есть и моя вина... мне следовало быть осторожнее на повороте... а до мастерской я вас довезу в два счета!

Он припарковал свою машину, с грустью отметив, что ей тоже понадобится основательный ремонт, сел за руль «Фольксвагена» и через пять минут доставил свою новую знакомую к ближайшему автосервису, благо, он был расположен совсем рядом, на одиннадцатой Красноармейской.

– Ну, вот мы и на месте, – проговорил он, передавая пострадавшую машину в заботливые руки мастеров, – только, вы знаете, я все-таки решил попросить у вас некоторую компенсацию... не денежную, конечно...

– А какую же? – спросила блондинка, очень мило покраснев.

– Во-первых, скажите, как вас зовут, а во-вторых, разрешите угостить вас чем-нибудь... хотя бы чашкой кофе...

Блондинка улыбнулась, сказала, что ее зовут Аленой, и через десять минут они уже сидели в небольшом уютном кафе на Измайловском.

Здесь подавали очень приличный кофе – больше десятка видов капучино, замечательный вишневый кофе и множество других изысканных сортов для гурманов и любителей благо-

родного восточного напитка. Кондитерские изделия также поражали разнообразием, но Алена отказалась от сладкого, выбрав кофе по-венски и легкий фруктовый салат.

Леня был в ударе, он сыпал шутками, анекдотами и рассказами из собственной жизни, Алена слушала его раскрыв рот, смеялась в самых подходящих местах и, естественно, произвела на Маркиза еще более сильное впечатление, чем в первый момент. Когда Леня спохватился, что не дает своей новой знакомой и рта раскрыть, ему удалось выяснить, что она не замужем, живет на Петроградской стороне вдвоем с братом-программистом, учится на восточном факультете университета. Родители умерли несколько лет назад, старший брат заменил их. То, что средства у них есть, Леня понял сразу – по тому, как Алена одета, какими духами пользуется, на какой машине ездит... точнее, ездила. Действительно, девушка бесхитростно сообщила ему, первому, в общем-то, встречному, что брат у нее – не просто программист, а большой мастер и владелец собственной компьютерной фирмы, небольшой, но процветающей...

Примерно через час Алена спохватилась, что ей пора уходить, но Маркиз напоследок сумел получить номер ее мобильного телефона и расстался со своей новой знакомой совершенно очарованным.

Его машина была здорово помята, следовательно, нужно было тоже отдать ее в ремонт, но Леня не доверял обычному автосервису и поехал к своему старому знакомому Уху, который разбирался в машинах как бог.

По дороге Леня подумал, что Лола, при ее чрезмерно развитой наблюдательности, наверняка пронюхает о его новом знакомстве, в буквальном смысле слова пронюхает, уловив необычный аромат Алениных духов. Поэтому он покрутился в гараже Уха, чтобы перебить тонкий волшебный аромат грубыми мужскими запахами бензина, металла и машинного масла.

Однако когда Лола вечером вернулась домой, она казалась на удивление тихой и не задала Маркизу ни одного вопроса.

– Свириденко! – громко объявила секретарша нотариуса, бледная девица в маленьких круглых очках.

Калерия Ивановна встала и направилась в кабинет.

Она просидела в приемной уже больше полутора часов и очень утомилась от ожидания. Ее деятельная натура совершенно не выносила вынужденного безделья. Тетя Каля изучила приемную вдоль и поперек: от темного скрипучего паркета и потертых деревянных панелей на стенах до гнусной пятирожковой люстры, которой самое место в захудалой жилконторе или в паспортном столе милиции, внимательно прочитала развешанные по стенам выдержки из законов и постановлений.

Тетя Каля настояла на том, чтобы прийти к нотариусу одной, ей казалось, что так приличнее и солиднее. Поэтому они договорились с Ольгой, что та подождет ее на соседней улице в кафе. Теперь тетя Каля невыносимо скучала и попыталась разговорить дождавшуюся своей очереди испуганную тщедушную старушку.

Старушка разговаривать не стала, перепугалась еще больше и покосилась на сопровождавшего ее наголо бритого толстомордого братка. Браток злобно сверкнул на тетю Калю маленькими поросычьими глазами, скрипнул зубами, повел бритой головой, как будто ему тесен воротник, и Калерия Ивановна от греха пересела подальше.

Еще в приемной сидела большая семья, сгрудившаяся вокруг толстого важного деда, которого время от времени поили минеральной водой и уговаривали еще немножко подождать.

Наконец подошла очередь Калерии Ивановны.

Она открыла дверь кабинета, огляделась и сделала несколько шагов к столу.

За столом полагалось находиться нотариусу, но его там не было.

Тетя Каля удивленно огляделась. Других дверей в кабинете не было, и незаметно выйти нотариусу никуда не мог. Правда, имелось окно, и, по летнему времени, оно было открыто, а

нотариальная контора находилась на первом этаже, но Калерия Ивановна не могла поверить, что нотариус, солидный и, судя по всему, немолодой человек, выскочил из собственного кабинета через окно.

Тетя Каля в полной растерянности подошла к столу.

Она еще раз огляделась и вдруг увидела торчащий из-за стола ботинок.

Не очень аккуратный мужской ботинок с развязанными шнурками.

В ботинке торчала нога.

Тетя Каля почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Тетя Каля была не робкого десятка, она простояла целый год на черноморском привозе и даже неоднократно сталкивалась с грозой привоза, легендарным капитаном милиции Голопузенко, а это говорит о многом.

Но у самого сильного человека бывают слабости.

Слабостью тети Кали были покойники.

Мало сказать, что она их не любила. Она их дико боялась.

И теперь, увидев незашнурованный ботинок, тетя Каля поняла тем самым шестым чувством, о котором так часто говорят те, у кого оно отсутствует, что нога, обутая в ботинок, принадлежит покойнику.

Она, крадучись, обошла кругом письменный стол, чтобы проверить свое ужасное предположение, и вскоре увидела все остальное – второй ботинок, вышедший из моды двадцать лет назад, костюм, и облаченного в этот костюм нотариуса Штокенвассера.

Нотариус лежал на полу позади собственного письменного стола и смотрел на тетю Калю пустыми мертвыми глазами.

– Ой, мама! – проговорила Калерия Ивановна.

На всякий случай она проговорила это достаточно тихо, хотя ей очень хотелось завизжать во всю глотку.

Нотариус был мертв абсолютно и стопроцентно.

Больше того, он не пал жертвой скромного, хотя и чрезвычайно обширного инфаркта или добропорядочного инсульта. На полу под его головой растекалась лужица темной крови, которая однозначно доказывала, что господин Штокенвассер сделал совершенно недопустимую для приличного нотариуса вещь – он был убит.

– Ой, мама! – снова негромко вскрикнула Калерия Ивановна.

Она сама не заметила, как оказалась возле открытого окна, сама не заметила, как взгромоздилась на подоконник – вещь совершенно невозможная при ее незаурядной комплекции, – сама не заметила, как через этот подоконник перевалилась, как довольно ловко соскочила с него на тротуар и внезапно обнаружила, что стоит в тихом безлюдном переулке под распахнутым окном нотариальной конторы, а на нее с уважительным изумлением смотрит худущая пестрая кошка.

Калерия Ивановна испуганно огляделась.

Кроме кошки, других свидетелей ее постыдного бегства из нотариальной конторы не было, а кошку вряд ли можно считать полноправным свидетелем, и суд, скорее всего, не примет во внимание ее показания.

Тетя Каля припустила прочь.

Не успела она далеко уйти от злополучной конторы, как навстречу начали попадаться отдельные прохожие. Они удивленно оглядывались на крупную загорелую женщину средних лет, которая улепетывала по улице, испуганно озираясь, как будто за ней по пятам неслись все силы ада или тамбовская преступная группировка в полном составе.

Людей вокруг становилось все больше, и вскоре Калерия Ивановна оказалась на оживленной и многолюдной улице.

Прежде ей не случалось бывать в этом районе, и тетя Каля попросту растерялась. Она совершенно не представляла, куда теперь нужно идти и где расположено кафе, в котором ее дожидается племянница. Кроме того, перенесенный в кабинете нотариуса стресс так сказался на ее умственных способностях, что несчастная женщина напрочь забыла, как называлось то кафе и как оно выглядело, так что она не могла даже обратиться с вопросом к кому-то из прохожих.

И в тот момент, когда она готова была сложить руки и впервые в жизни капитулировать перед обстоятельствами, перед ней возникла племянница собственной персоной.

– Тетя Каля, что это с тобой? – изумленно воскликнула Лола, уставившись на свою родственницу. – На тебя напали? Тебя ограбили?

– Ох! – Калерия Ивановна обняла девушку и крепко прижала ее к мощной, бурно вздымающейся груди. – И куда же ты, Олечка, зараз подевалась? Я тебя ищу, ищу...

– Никуда я не девалась, – отозвалась полузадушенная Лола, пытаясь обрести свободу, – я тебя ждала в том самом кафе, где мы расстались, а потом вышла посмотреть, что с тобой, а то что-то тебя очень долго не было. Да вот же оно, то кафе! – И она указала на вывеску, неподалеку от которой они стояли. – Так все же, что такое с тобой случилось?

Она протянула тете пудреницу с зеркалом.

Калерия Ивановна мельком разглядела свое лицо, покрытое неровными пятнами лихорадочного румянца, растрепанные волосы, но все это не привлекло ее внимания. Она огляделась по сторонам, пригнулась к Лолиному уху и горячо зашептала:

– Ну у вас и город! Ну и город! Просто какое-то бандитское гнездо! Вот у нас в городе Черноморске можно вечером кошелек на скамейку положить – и утром он на том же месте найдется!

– Ну уж! – Лола всем своим видом выразила недоверие.

– Без денег, конечно, – уточнила тетя Каля.

– Да все-таки, что с тобой случилось?

– Поехали скорее отсюда! А то я тут просто боюсь находиться!

Лола пожала плечами и направилась к машине.

Только по дороге Калерия Ивановна, испуганно оглядываясь, вкратце рассказала племяннице о своих приключениях в нотариальной конторе.

Услышав про труп нотариуса, Лола от изумления чуть не вылетела на встречную полосу движения и с трудом избежала аварии.

– Тетя Каля! – проговорила она, выровняв машину и переведя дыхание. – Признавайся, во что ты вляпалась?

– Ни во что! – честно воскликнула тетка. – При чем тут я, если у вас среди бела дня людей убивают? Вот у нас...

– В городе Черноморске! – подхватила Лола. – Тетя Каля, кончай темнить! Сначала твою знакомую убили в поезде, а она, между прочим, ехала по твоим документам... Потом угробили нотариуса, который тебя зачем-то вызвал... Кстати, зачем он тебя вызвал?

– Не знаю... – тетя Каля пожала могучими плечами, – вот те крест, не знаю... я получила от него письмо, то самое, которое тебе показывала, и больше ничего не знаю...

– И там, в конторе, ты не успела ничего выяснить? Секретарша ничего не сказала?

– А чего ей говорить? – удивилась тетя Каля. – Сидите, говорит, ждите спокойно своей очереди, там у нотариуса все и узнаете. Я и ждала, все себе отсидела, а как вошла, так и обмерла там на месте! Ой, не могу, плохо мне, водички бы выпить!..

Лола припарковала машину возле ларьков со всякой всячиной, выскочила и принесла тетке литровую бутылку воды «Бонаква». Тетя Каля присосалась к бутылке, как будто она трое суток проплутала по пустыне Сахаре, отбившись от каравана.

– Может, тебе домой уехать? – нерешительно произнесла Лола.

– Ну уж нет! – энергично воскликнула тетя Каля, вытряхивая на ладонь последние капли воды и протирая лицо. – Чтобы я когда от трудностей убежала? Да не дождется тот супостат!

– Тогда вот что, – деловито предложила Лола, – Лене про это ни слова. Скажем, что к нотариусу не попали, и все. Незачем ему все в подробностях рассказывать, а то еще подумает, что у меня родственники – люди с криминальными наклонностями.

– Это хорошо, это правильно! – закивала тетя Каля. – Мужу нужно с большой осторожностью про свои дела рассказывать. А лучше вообще поменьше про себя трепать.

– Сами во всем разберемся, сами все расследуем. – Лола была настроена очень решительно.

– И это верно, – согласилась тетя Каля, – на мужа надейся, а сама не плошай! Твой вроде ничего себе парень, тебя вроде любит, но лучше уж мы сами в этом деле разберемся...

Лола только вздохнула – знала бы тетя Каля, как обстоят дела! Совершенно Ленка ее не любит... Ну да и наплевать!

– Да что же вы так кричите? – поморщился капитан Ананасов, неприязненно глядя на свидетельницу.

Девушка испуганно слотнула и вжалась в спинку стула.

– Я... я не кричу... – прошептала она, поправив сползшие на кончик носа круглые очки и глядя на мрачного милиционера, как смотрит на голодного удава юный, хорошо воспитанный кролик.

Откуда ей было знать, что творилось в голове у капитана Ананасова! Секретарша покойного нотариуса Штокенвассера была девушка скромная, тихая и непьющая, и она не могла себе даже отдаленно представить, что творилось сегодня у него в голове.

В голове у него лязгали гусеницами самоходные артиллерийские установки, ревели на крутых виражах тяжелые гоночные мотоциклы, заходили на посадку сверхзвуковые истребители.

«Ох, зря я добавил вермут! – тоскливо думал Ананасов. – Ну, пил бы и пил себе водку, как культурный человек, так нет же, понадобилось водку с вермутом мешать! А все Гудронов, Джеймс Бонд хренов! Смешать, говорит, но не взбалтывать! А теперь такое чувство, как будто мне мозги взболтали!»

– Что вы шепчете? – Ананасов с отвращением посмотрел на свидетельницу, прикрыл глаза, подумав, как было бы хорошо, если бы эта свидетельница сейчас мирно исчезла, а сам он оказался дома, и перед ним стояла бы запотевшая бутылка боржоми... Однако когда он снова открыл глаза, все осталось по-прежнему – он находился в кабинете убитого нотариуса, перед ним сидела секретарша Штокенвассера, бледная запуганная девица в круглых очках, и давала показания по делу об убийстве своего шефа.

– Я... я не шепчу... – проговорила девица слабым срывающимся голосом, – и не кричу...

– И не спорьте! – рявкнул капитан и сморщился от боли. – Итак, – продолжил он, взяв себя в руки, – значит, последней вошла в кабинет госпожа Свириденко?

– Свириденко, – испуганно подтвердила секретарша, – Калерия Ивановна Свириденко. Сначала я совершенно не волновалась, спокойно ждала новых распоряжений, но никаких распоряжений не поступало, а потом пришел господин Хруст...

– Кто? – удивленно переспросил Ананасов и снова схватился за мучительно ноющую голову.

– Хруст, очень крупный бизнесмен... он заранее договорился с Михаилом Рудольфовичем...

Произнеся имя своего покойного шефа, свидетельница вспомнила о понесенной утрате, всхлипнула и уткнулась в кружевной платочек.

Ананасов тяжело вздохнул, сжал ладонями виски и с видимым усилием проговорил:

– И не ревите! Дома будете реветь, а здесь вы должны давать показания!

Девушка еще раз испуганно всхлипнула, высморкалась и продолжила:

– Пришел господин Хруст, и я сообщила об этом Михаилу Рудольфовичу... Дело в том, что господин Хруст очень не любит ждать, тем более что он заранее договорился...

– Ясно, – проговорил Ананасов, при этом он опрометчиво кивнул, отчего его несчастная голова едва не отвалилась.

– Так вот, Михаил Рудольфович ничего не ответил, и это мне показалось подозрительным...

– Еще бы! – На этот раз капитан воздержался от неосторожных движений. – А что же вы к нему сразу в кабинет не вошли?

– Дело в том, – девушка слегка оживилась, – что Михаил Рудольфович очень не любит... то есть не любил, когда его прерывают... когда к нему входят без разрешения. Но и господин Хруст начал нервничать... поэтому я еще немножко подождала и все-таки вошла в кабинет... а там... а тут... – Девушка не выдержала и наконец со вкусом зарыдала.

– Не ревите, я сказал! – прикрикнул на нее Ананасов и снова схватился за голову. – Вот, блин, свидетельница попалась! Да что же вы так убиваетесь? Он вам что – родственник или, может быть, любовник?

– Да вы что? – возмутилась секретарша сквозь слезы. – Как вы могли так подумать? Ему ведь было очень много лет!

– Разные старички бывают, – капитан пожал плечами и, заглянув в свои записи, добавил: – Да и не так уж много – всего-то пятьдесят пять...

С точки зрения свидетельницы, что пятьдесят пять, что девяносто пять – одинаково глубокая старость, но спорить с суровым милицейским капитаном она не стала.

– Итак, – с омерзением глядя на нее, продолжил Ананасов, – что вы увидели, войдя в кабинет потерпевшего?

– В чей кабинет? – испуганно переспросила девушка, перестав рыдать.

– Потерпевшего, нотариуса Штакен... Штокенвассера! – с трудом выговорил измученный похмельем капитан.

– Я увидела его... потерпевшего... на этом самом месте...

– А куда же делась эта... как ее... Свиристенко?

– Свириденко, Калерия Ивановна Свириденко, – поправила девушка, – ее здесь не было.

– А окно было открыто? – уточнил капитан.

– Открыто, – кивнула свидетельница.

– Ну, значит, упорхнула эта Свириденко через окно... – тоскливо констатировал Ананасов.

– Не может быть! – девушка замотала головой, так что у несчастного милиционера зарябило в глазах.

– Почему это не может? – Ананасов поморщился и опустил веки. – Этаж первый, окно открыто...

– Вы ее не видели! – воскликнула секретарша. – Она старая и очень толстая! Она через окно не смогла бы!

– В состоянии аффекта люди способны на многое, – философски проговорил капитан, – на такое, что даже и не подумаешь... А насчет возраста у нас с вами разные понятия...

Он на секунду задумался и вдруг удивленно спросил:

– Как, вы сказали, ее звали, эту Свиристенко?

– Свириденко, – снова поправила его секретарша, – Калерия Ивановна Свириденко.

– Вот черт! – вскрикнул Ананасов и потянулся к телефону, бормоча себе под нос: – Ну, Свириденко-то пруд пруди, а вот Калерия имя редкое...

Дозвонившись до родного отдела, капитан торопливо проговорил:

– Гудронов, ну-ка глянь, как фамилия вчерашнего трупа?

– Которого? – с видимой неохотой отозвался Сеня Гудронов, которому тоже было чрезвычайно плохо после вчерашних дурацких экспериментов в духе Джеймса Бонда.

– Ну, с Московского вокзала... тетка, которую в поезде зарезали, Черноморск – Питер?

– Сейчас, – Гудронов зашелестел бумагами, – а что это ты, Питиримыч, так завелся?

– Ищи, Гудронов! – рявкнул капитан, неожиданно разозлившись.

Дело в том, что он очень не любил свое церковнославянское отчество. Все его сослуживцы хорошо это знали и старались попусту не раздражать капитана, Гудронов же допустил досадную промашку исключительно с похмелья.

– Вот, – проговорил наконец Сеня, – нашел. Свириденко фамилия того трупа.

– Свириденко, а дальше?

– Свириденко Кавалерия... то есть, блин, Калерия Ивановна, – зачитал Гудронов.

– Та-ак! – проговорил Ананасов голосом, каким Отелло интересовался, молилась ли на ночь его жена. – Ты, Гудронов, ничего не путаешь?

– Интересно! – обиделся Сеня. – Я тебе официальный документ зачитываю, а ты сомневаешься! В чем дело-то?

– Ты, Сеня, не обижайся, – на этот раз Ананасов понизил голос, – только этот вчерашний трупешник сегодня, судя по всему, сам человека замочил.

– Чего? – недоверчиво переспросил Гудронов.

– Сказал бы я тебе – чего, да тут девушка рядом! – Капитан недовольно покосился на свидетельницу. – Еще раз повторяю, для особо одаренных. Тут я на убийство приехал, нотариуса пришили, этого... как, блин, его... Штукен... Штокенвассера. Так вот, последним, кто к нему в кабинет вошел, была Калерия Ивановна Свириденко.

– Ох, ни фиги себе! – воскликнул Гудронов. – Это что же получается – возвращение живых трупов?

– Это получается, Сеня, – с грустью проговорил Ананасов, – что не видать нам с тобой премии как своих ушей!

– Ну ты подожди, подожди в панику-то впадать! – перебил капитана Гудронов. – Может, она всерьез не померла... так, может, в бессознательном состоянии находилась, а потом очухалась?

– Ага, не померла! – передразнил друга капитан. – Васильич же смерть констатировал! Ее же прямо с вокзала в морг отвезли!

– Ну и что? – не сдавался Гудронов. – Васильич – тоже человек, тоже может раз в жизни ошибиться! А что в морг отвезли – может, она там на холодке-то и пришла в себя...

– И напрямик отправилась нотариуса мочить? – недоверчиво отозвался Ананасов.

– А что? Может, у нее с ним счета какие-то были...

– Ну, не знаю, какие там у них счета, а только ты, Сеня, позвони на всякий случай в морг да аккуратненько уточни – на месте ли эта вчерашняя... Кавалерия Ивановна.

– Меня же там за психа примут!

– Не примут! – отрезал Ананасов. – Тебя, Сеня, за сумасшедшего никто не примет, тебе сходить не с чего!

Сеня Гудронов никак не отреагировал на последнюю фразу, и капитан продолжил:

– А чтобы они не слишком удивлялись, что ты трупами интересуешься, можешь сказать, что мы занимаемся случаями похищения покойников на органы для пересадки.

– А что, правда были случаи? – уточнил доверчивый Гудронов.

В морге в этот день дежурил Николай Трофимов, отзывавшийся на немудреную кличку Трофим. Когда-то, как говорится, в другой жизни, Трофим был художником и даже весьма

преуспевал, но потом сильно запил, и творческая его карьера катастрофически оборвалась. Правда, Трофим не слишком переживал. Теперешние его клиенты, рядовые покойники, были людьми очень тихими, покладистыми, никогда не скандалили, и выпивка Трофиму перепадала регулярно – то врач медицинского спирту нальет, то родственники очередного жмурика угостят чем-нибудь крепким...

Телефон на столе дежурного зазвонил.

Трофим поднял трубку и мрачным басом проговорил:

– Покойница.

Иногда к нему попадали по ошибке совершенно случайные люди и, услышав такое неожиданное и неприятное слово, да еще произнесенное грубым голосом Трофима, пугались до невозможности, чем доставляли санитару маленькое удовольствие.

Но на этот раз звонила не какая-нибудь кисейная барышня, а тертый и закаленный мент Сеня Гудронов.

– Ясно, что не планетарий, – отозвался он, – это Гудронов беспокоит из убойного отдела. Ты того, брат, проверь-ка, к вам вчера жмурик поступил с Московского вокзала, Свириденко фамилия, так того, глянь... на месте ли он? То есть она, баба эта!

– Нет, на танцы убежала! – грубо пошутил Трофим.

– Как – убежала? – всполошился бесхитростный Гудронов и тут же сообразил: – Шутишь, да? Тут не до шуток! Говорю тебе – проверь, на месте ли трупешник! И быстренько, мне тебя ждать некогда!

Трофим недовольно закричал, положил телефонную трубку на столик и побрел в покойницкую.

– Больше им делать нечего, – ворчал он по дороге, – только бы для меня заботу какую выдумать! Мои клиенты – они спокойные, коли уж поступили к нам, так никуда не денутся...

Он вошел в холодное помещение, оглядел ряды одинаковых металлических дверок, смутно напоминающие вокзальную камеру хранения, нашел нужную табличку, отворил дверцу и выкатил выдвижной железный стол.

Покойница была на месте.

– Мои-то всегда в порядке, – ворчал Трофим, возвращаясь к телефону, – с ними никаких хлопот, вы за своими лучше приглядывайте, за живыми! От них все беспокойство!

– Ну что? – нетерпеливо осведомился Гудронов. – На месте эта вчерашняя покойница?

– На месте, на месте! – отозвался Трофим. – Подругу здесь завела, чай с ней пьет!

– Как пьет? – всполошился Гудронов и тут же сообразил: – Шутишь, да? Ну, блин, дошутишься ты у меня, в натуре! Так точно на месте она, ничего ты не перепутал?

– Ты за собой следи! – обиженно проговорил Трофим. – А у меня всегда полный порядок! У меня все в ажуре!

– А ты... – понизил голос Гудронов, – ты за своими жмуриками, того... приглядываешь?

– Чего? – переспросил Трофим. – Это в каком же таком смысле?

– Ну... – тянул Гудронов, который и сам понимал нелепость своего вопроса, – ну, они у тебя... уйти никак не могут? Допустим, куда-то на пару часов уйти, а потом вернуться?

– Чего? – повторил санитар, серьезно обеспокоившись, не из дурдома ли ему звонят. – Как это – уйти?

– Да ты это... ты не удивляйся... у нас баба эта, твоя клиентка, по одному делу как подозреваемая проходит...

– Серьезное дело-то? – поинтересовался любопытный санитар. – Или так, ерунда какая-нибудь?

– Я же тебе сказал – из убойного отдела звоню! Мы ерундой не занимаемся! – обиделся Гудронов. – Мы только по убийствам работаем! замочила тут твоя клиентка одного!

– Давно замочила-то? Потерпевший тоже небось у нас лежит?

– Не успели еще привезти, только сегодня дело было.

– Сегодня? – Трофим удивленно присвистнул. – Не, сегодня она никак не могла, на сегодня у нее алиби!

Сеня Гудронов не стал в подробностях пересказывать капитану Ананасову свой разговор с грубым санитаром, сказал просто, что труп Калерии Ивановны Свириденко преспокойненько лежит в холодильнике. Секретарша же нотариуса Штокенвассера упорно утверждала, что Калерия Ивановна Свириденко была тут совсем недавно, она якобы видела паспорт. На вопрос измученного капитана, по какому делу приходила к нотариусу подозреваемая Свириденко, секретарша поджала губы и сказала, что про это знал только покойный Михаил Рудольфович. Она лично положила конверт с делом нотариусу на стол сегодня утром.

Стали искать конверт, его не было. Разозленный Ананасов уронил со стола кипу документов, а когда с трудом нагнулся, чтобы подобрать их, то ударился бедной больной головой о тумбу стола. Все тело пронзила чудовищная боль, глаза на некоторое время заволокло пеленой.

Очнувшись, капитан Ананасов осознал себя сидящим на полу, и первой его мыслью было, что нужно немедленно завязывать с алкоголем. Секретарша смотрела на него сверху очень неодобрительно, но сказать ничего не решилась. Ананасов покрутил головой. После удара, как ни странно, стало легче, и он отправился в родной отдел, предупредив секретаршу, что еще зайдет. Конверта с именем Калерии Ивановны Свириденко так и не нашли, он бесследно исчез из кабинета.

Не успел Трофим повесить трубку, как в дверь его служебного помещения постучали.

Само по себе это было необычно: обычные посетители покойницкой, грубые санитары труповозки, никогда не затруднялись стуком, они распахивали дверь ногой, поскольку руки у них, как правило, были заняты носилками, на которых прибывало в морг очередное пополнение. Работники морга тем более не стали бы стучать. Конечно, оставались родственники усопших, но их стук Трофим за годы работы научился узнавать безошибочно, как опытный дирижер слышит фальшивую ноту, допущенную невыспавшимся кларнетистом.

Трофим подошел к двери и открыл ее.

На пороге покойницкой стояли двое: коренастый широкоплечий мужчина лет пятидесяти с густыми черными бакенбардами и неприятным, пристальным взглядом глубоко посаженных черных глаз и невысокого роста худой человек с бледным болезненным лицом и маленькими тусклыми глазами, от взгляда которых Трофиму сразу стало как-то нехорошо.

– Страдаешь? – коротко спросил черноволосый Трофима.

– Это в каком, извиняюсь, смысле?

– В самом обыкновенном, – ответил широкоплечий незнакомец и достал из кармана приятную на вид плоскую фляжку, в которой что-то восхитительно плескалось.

– Всегда готов! – радостно отозвался Трофим и потянулся к фляжке.

– Молодец! – одобрил незнакомец, но фляжку спрятал за спину. – Только прежде ты мне сделай, друг, божескую милость. Тут к вам тетя моя вчера попала, так вот хочу я на нее взглянуть...

– Тетя? – переспросил Трофим. – А откуда, извиняюсь, ваша тетя поступила? Из больницы какой или еще откуда?

– Еще откуда. С вокзала ее привезли. В скором поезде моя тетенька того... скончалась.

– Ах, в поезде... – протянул Трофим.

Он вспомнил недавний телефонный разговор с человеком из милиции, и в душе у него шевельнулось нездоровое любопытство. Почему эта тетка из поезда сегодня так удивительно популярна?

Однако тут же Трофим подумал о замечательной фляжке, обещанной черноволосым посетителем, и все прочие мысли полностью выветрились из его головы.

– Ах, в поезде! – повторил он. – Есть такое дело, – и он, сделав посетителям знак следовать за собой, направился в «холодную», как здешние служители называли помещение для хранения трупов, где круглый год царила вечная зима, – если в поезде, то прошу за мной.

Распахнув металлическую дверцу, он выкатил полку и, не глядя на покойника, махнул плечистому мужчине:

– Вот, извиняюсь, ваша тетя. У нас полный порядок, как в филармонии: ежели кто к нам поступил, тот непременно имеется.

По лицу посетителя он понял, что тот чем-то весьма недоволен.

– Ты что мне подсовываешь? – прорычал тот, тряся бакенбардами. – Это, по-твоему, моя тетя? Это у тебя, может, такие родственники, а мне такая, блин, родня на фиг не нужна!

Трофим протер глаза и уставился на покойницу.

Это действительно была не тетя.

На полке лежал здоровенный негр, доставленный дня три назад с футбольного матча, где ему проломили голову разбушевавшиеся болельщики, и до сих пор никем не востребованный.

– Я извиняюсь, – пролепетал Трофим, сверяясь с номером, написанным на дверце секции, – обознался... подождите минуточку, будет вам сейчас тетя в лучшем виде...

Он торопливо закатил на место чернокожего джентльмена и, проверив надписи на секциях, открыл соседнюю дверцу:

– Вот, это точно ваша тетенька будут...

Во всяком случае, на этот раз на выдвинутой из стены металлической полке действительно лежала женщина преклонных лет и весьма внушительной комплекции.

– Вот она, извиняюсь... – сообщил Трофим, указывая на покойницу, – на этот раз все точно.

Черноволокный тип с бакенбардами и его тощий спутник потянулись к покойнице, внимательно разглядывая ее лицо.

– Она, – заявил тощий, – в поезде была она.

– Ничего, блин, не она! – прорычал брюнет. – Тебе что, блин, все бабы на одно лицо? Ты, жертва пьяной акушерки, опять покойников перепутал? – повернулся он к Трофиму.

– И ничего я не перепутал! – обиделся Трофим. – Точно, это она, которая из поезда доставлена... а что вы сомневаетесь – так это у нее, может, после смерти лицо переменялось...

– Ты у меня сейчас сам будешь «переменяющийся»! – злобно рявкнул брюнет, играя желваками. – Первый раз ты мне, блин, вообще негра мертвого хотел подсунуть! Смотри, блин, хорошенько, а то сам вместо нее на эту полку ляжешь!

– Все точно! – ответил Трофим, ударив себя кулаком в грудь. – Говорю вам, это она, ваша тетя! То есть, которая из поезда! У нас ведь, как в филармонии – согласно билетам...

– Я тебе покажу филармонию! – черноволокный начал наливать малиновой краской. – Ты у меня сейчас дискантом запоешь!

– Правда, Жетон, в поезде была она, – подтвердил слова санитаря худой спутник черноволокного, – эта самая тетка.

– Значит, и в поезде была не та! – На этот раз черноволокный зверем смотрел на своего партнера.

Трофим, почувствовав, что гнев нервного посетителя переключился с него на другой объект, облегченно вздохнул.

– Как – не та? – Лицо тощего перекопилось нервной гримасой. – Как сказали мне – Свириденко, Кава... тьфу, Калерия Ивановна... и на билете, и по документам... все как в аптеке.

– Говорят тебе – не та баба! Та и помоложе была...

– Так состарилась, наверное...

– Сам ты у меня сейчас, в натуре, состаришься! И на морду она нисколько не похожа!

– Ну, насчет личности ничего не могу сказать, – тощий пожал плечами, – фотографию они мне не давали!

– Фотографию! – усмехнулся брюнет. – Фотографии у меня у самого не было! Где им-то было ее фотографию взять?

Его тощий спутник нерешительно пожал плечами, как бы говоря: на нет и суда нет.

– Так как же насчет... – начал Трофим, следя глазами за левой рукой черноволосого, в которой тот по-прежнему сжимал заветную фляжку, – я вам предоставил... ежели это и не ваша тетя, так мы тут не виноватые, что поступило, то и имеется...

– Помолчи! – резко оборвал его человек, которого назвали Жетоном. – Твое счастье, что ты не ту тетку по ошибке замочил! – сказал он своему спутнику. – Иначе ты сам у меня рядом с ней сейчас в этот шкаф лег бы!

– Но, Жетон...

– Молчать! Теперь будешь делать то, что я скажу! Там посмотрю, что с тобой сделать за то, что самовольничать вздумал...

Он повернулся и пошел к выходу. Санитар Трофим разочарованно вздохнул, когда сообразил, что ему сегодня ничего не светит.

Ночь прошла спокойно, тетя Каля спала крепко. В целях безопасности Лола решила не отселять ее в свою квартиру, пускай уж тетка будет под присмотром. Утром, пока Лола спала, тетя Каля встала и приготовила Лене сытный калорийный завтрак. Маркиз, выйдя из ванной, приятно удивился, и они с тетей Калей мигом «уговорили» латочку домашних голубцов со сметаной. Леня, в свою очередь, научил тетку заваривать кофе по своему рецепту. До кофе тетя Каля оказалась большая охотница, она пила его большими чашками, без молока и с сахаром вприкуску.

К кофе разрезали пополам мягкий рогалик и обильно полили его теткинским медом. Леня попробовал и решил, что такая еда ничуть не хуже венских булочек или круассанов с шоколадом.

После завтрака Леня сказал тетке, что ему нужно на работу, и мигом улизнул из дому. Проснувшаяся Лола появилась на кухне, когда тетя Каля кормила животных. Попугай ел семечки, песику и коту тетка отрезала полкруга аппетитной домашней колбасы с чесноком. Кот Аскольд, убедившись, что в лице тети Кали в квартире появилась щедрая рука, дающая дополнительное питание, вылез из своего укрытия и вежливо представился. Кота тетка одобрила – его размеры впечатляли.

Лола удивилась, узнав, что Леня уехал на работу, – она-то прекрасно знала, что дел у него сейчас никаких нету. Но еще больше она удивилась, когда увидела, с каким аппетитом Пу И поедает жирную пахучую колбасу. И это ее песик, капризное и избалованное создание!

– От и молодец! – приговаривала тетя Каля. – От и умничка! Будешь хорошо кушать, вырастешь большой-большой!

– Ладно, тетя Каля, оставь ты их! – не выдержала Лола. – Давай, пока Лени нет, поразмыслим о наших делах. Значит, говоришь, по делу о наследстве? И от кого оно может быть, ты понятия не имеешь?

– Чистая правда! – Тетка прижала руки к могучей груди. – Вот те крест! Да еще в Петербурге! Ты-то прекрасно знаешь, что я здесь никогда не была! И кто бы мне мог что оставить? Если наши общие родственники из Черноморска, так ты сама знаешь, какие у меня с ними отношения. То есть они ждут, как бы я им чего-нибудь оставила... Но я пока помирать не собираюсь.

– Не о том ты говоришь! – с досадой перебила Лола. – Если бы в Черноморске кто умер, так ты бы уж знала.

– Это точно! – закивала тетя. – И вот что я думаю. Ежели так сложно, так не иначе это Изька копыта откинул в своем Израиле. Изя Гринберг, мой первый муж, ты его не помнишь, – пояснила тетя Каля.

– А ты про него что-нибудь знаешь? – спросила Лола.

– Как не знать, – тетя Каля смущенно отвела глаза, – сын-то у нас общий, а он с отцом общается. У них там, за границей, все близко – хоть Израиль, хоть Америка, хоть Европа. Только и мотаются друг к дружке на самолетах... Живет Изя в Тель-Авиве, большой ученый, математик. Голова-то у него и вправду хорошая, сын в него удался.

– Так нужно Илье в Гамбург звонить, он уж точно знает, не случилось ли чего с отцом! – вскричала Лола. – Номер знаешь?

Тетя Каля достала записную книжку и, поминутно сверяясь, набрала номер. Лола на всякий случай вытолкала из кухни всех животных. Тетя Каля же, оглянувшись, решила, очевидно, что в кухне разговаривать с Германией неприлично, и вышла с трубкой в гостиную.

– Илья! Ильюшечка! – закричала она так громко, что на столе подпрыгнула Лолина любимая китайская ваза, а Пу И тоненько заскулил и сбежал обратно на кухню.

– Тетя Каля, незачем так кричать, – поморщилась Лола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.